

Историография лингвистики /Historiography of Linguistics

Научная статья

УДК 81-119

ББК 81

<https://doi.org/10.51955/2312-1327-2026-3-141>

**Й.Г. ГАМАН И НАЧАЛА ТЕОЛИНГВИСТИКИ (О ВТОРОЙ ЧАСТИ
ПЕРЕВОДА «КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ ФИЛОЛОГА» НА РУССКИЙ
ЯЗЫК)**

Олег Анатольевич Радченко,
Образовательная корпорация
«Грейбридж Мэлкэм»,
Оттава, Онтарио, Канада*

*Рашид Султанович Аликаев,
Кабардино-Балкарский государственный
университет имени Х.М. Бербекова»,
Нальчик, Кабардино-Балкарская республика, Россия*

Аннотация. Статья посвящена публикации второй части русского перевода сборника Иоганна Георга Гамана «Крестовые походы филолога» и её значению для изучения философии языка, герменевтики и теолингвистики. Рассматриваются основные идеи произведений, вошедших в заключительную часть сборника, включая «Трилистник эллинистических писем», «Эстетику в ореховой скорлупе», «Латинское упражнение», ранние стихотворения, «Памятник» и авторский указатель. Особое внимание уделяется пониманию языка как формы Божественного откровения, критике рационализма эпохи Просвещения, взаимосвязи филологии, поэзии, богословия и истории. Обосновывается необходимость нового перевода, основанного на сочетании переводческих и герменевтических методов, позволяющих сохранить смысловую многослойность оригинала и сделать доступными многочисленные цитаты и аллюзии. Показано, что идеи Гамана предвосхищают важнейшие положения современной теолингвистики и философской герменевтики. Делается вывод о значении публикации для дальнейших исследований истории языкознания, философии языка, переводоведения, религиозного дискурса и интеллектуальной истории XVIII века, а также развития современной теолингвистики.

Ключевые слова: история языкознания; теолингвистика; Иоганн Георг Гаман; язык и мышление.

Для цитирования:

Радченко, О. А. Й.Г. Гаман и начала теолингвистики (о второй части перевода «Крестовых походов филолога» на русский язык) / О. А. Радченко, Р. С. Аликаев // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. – 2026. – Том 13. – № 03. – С. 141-204. – <https://doi.org/10.51955/2312-1327-2026-3-141>

Вклад авторов в работу:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

* Ответственный автор за связь с редакцией

Original research article

J. G. HAMANN AND THE ORIGINS OF THEOLINGUISTICS: ON THE SECOND PART OF THE RUSSIAN TRANSLATION OF *PHILOLOGIST'S CRUSADES*

Oleg A. Radchenko **,
Graybridge Malkam Educational Corporation,
Ottawa, Ontario, Canada

Rashid S. Alikaev,
Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov,
Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic, Russia

Abstract. The article examines the second part of the Russian translation of Johann Georg Hamann's *Philologist's Crusades* and its significance for the study of the philosophy of language, hermeneutics, and theolinguistics. It analyses the principal works included in the concluding section of the collection, such as *A Cloverleaf of Hellenistic Letters*, *Aesthetica in Nuce*, *Latin Exercise*, the early poems, *Memorial*, and Hamann's original index. Particular attention is paid to Hamann's understanding of language as a medium of divine revelation, his critique of Enlightenment rationalism, and the interrelationship of philology, poetry, theology, and history. The paper substantiates the need for a new Russian translation based on an integrated approach combining translation studies with hermeneutic analysis, making it possible to preserve the semantic complexity of the original while rendering its numerous quotations and allusions accessible to modern readers. The study demonstrates that Hamann anticipated several fundamental ideas of contemporary theolinguistics and philosophical hermeneutics, highlighting the importance of this publication for further research in these fields.

Keywords: History of Linguistics; theolinguistics; Johann Georg Hamann; language and thought.

To cite this article:

Radchenko, O. A., Alikaev, R. S. (2026). J.G. Hamann and the Origins of Theolinguistics: On the Second Part of the Russian Translation of *Philologist's Crusades*. *Crede Experto: transport, society, education, language*, vol. 13, no. 3, pp. 141-204 DOI: <https://doi.org/10.51955/2312-1327-2026-3-141> (in Russ.).

Author's Contributions: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflict of interest.

Введение (Introduction)

В третьем номере нашего журнала продолжается публикация перевода основного труда немецкого философа, лингвиста, богослова и писателя Иоганна Георга Гамана (1730–1788).

Тексты, входящие во вторую половину сборника, посвящены тематике, получившей свое терминологическое оформление только в конце 1970-х гг. как «теолингвистика», «мультидисциплинарная область исследований, открывающаяся на стыке языкового выражения религиозной веры и мысли» [Van Norren, 1981, с. 7]. Правда, сфера этого раздела языкознания была очерчена весьма широко, ибо она «стремится описать, как человеческий дискурс может быть использован для обозначения божественного, и, помимо этого, как язык

** Corresponding author

функционирует в „религиозных“ ситуациях таким образом, который может не соответствовать узким стандартам прямой однозначной референции» [Van Noppen, 1981, с. 9], в то время как Гаману «дискурсивный уклон» не был присущ. В поле его зрения оказывались проблемы изучения и описания священных языков (прежде всего, древнегреческого и древнееврейского), вопросы толкования не столько отдельных мест Святого Писания (присутствующих в текстах Гамана практически на каждой странице в виде цитаты, призванной, на первый взгляд, пояснить его мысль, но на самом деле требующей от читателя поиска скрытого смысла и авторской коннотации в данном конкретном контексте), сколько значимости самого Святого Писания для формирования личности учёного его века (см. [Аликаева и др., 2019; Alexander, 1966; Anderson, 2012; Beetz, 2002]).

Перевод двенадцати текстов этой части сборника «Крестовые походы филолога» позволяет, однако, более полно представить себе научные интересы и аргументацию Гамана, особенности его личности и становления как уникального мыслителя, философа, лингвиста и критика ([Гильманов, 2005; Гильманов, 2013; Радченко, 2024]).

Материалы и методы (Materials and Methods)

В отличие от первой половины текстов, никогда не переводившихся на русский язык, два основных текста второй половины сборника уже подвергались переводам прежде: трактат «Эстетика в ореховой скорлупе» (перевод В. Х. Гильманова, опубликованный в 2003 г.) и «Трилистник эллинистических писем», разобранный на цитаты в различных научных публикациях.

Тем не менее, автор предлагаемого перевода счёл важным представить новую версию, существенно отличающуюся от упомянутых выше. Речь идёт о принципиально ином подходе к текстам Гамана, сочетающем традиционные переводческие приёмы с приёмами герменевтики, текстологии, сопоставительного анализа переводов одного и того же текста на разные языки мира (в данном случае – на русский и английский [Haynes, 2007]). Кроме того, автор перевода отказался от сохранения эпиграфов, цитат, пространных фрагментов научных работ, поэтических включений на латинском, древнегреческом, древнееврейском, английском, французском языках в оригинальном виде, что практиковали переводчики прошлых лет, поскольку это не позволило бы современному читателю за сложной формой переводимых текстов увидеть блеск и смысловую игру их создателя. Речь идёт при этом не о редактировании прежних переводов, а о создании совершенно новых.

Помимо этого, особая важность в данной публикации придаётся целостности восприятия «Крестовых походов», пониманию логики Гамана, которой подчинена последовательность включённых в этот сборник эссе.

Первое из них – «Трилистник эллинистических писем» – представляет собой своеобразный «диалог в письмах», где Гаман использует стилизацию, чтобы донести до читателей свои глубокие философские и богословские идеи о

природе языка. Хотя конкретный адресат писем не назван (кроме того, что Гаман использовал сокращённое обращение НН – *Hochwürdiger Herr*, уместное, прежде всего, по отношению к духовным лицам), они обращены к широкой образованной публике и критикам, литературным оппонентам, коллегам-филологам, которым Гаман бросал вызов, оспаривая сухость и рационализм господствующей эстетики (ср. [Beiser, 1987; O'Flaherty, 1988]). В контексте истории литературы это произведение во многом обращено к младшему другу и единомышленнику Гамана И. Г. Гердеру (ставшему позднее ключевой фигурой движения «Буря и натиск»). В тексте Гаман развивает мысли о триединстве истории, философии и поэзии, которые Гердер позднее назовет «священным треугольником».

Как следует из названия эссе, оно состоит из трёх писем. В первом письме Гаман благодарит вымышленного адресата за рукопись, которая побудила его вновь обратиться к *Observationes sacrae* и переосмыслить её содержание. Центральной темой письма становится спор о языке и стиле Нового Завета, который, по мнению Гамана, невозможно разрешить средствами одной лишь грамматики; необходим философский подход к пониманию языка и стиля. Особенности языка Нового Завета рассматриваются как естественное следствие времени, места, среды и авторства входящих в него книг, при этом простота и своеобразие новозаветного языка служат скорее доказательством его подлинности, чем недостатком (который рационалисты рассматривали как сущностное свойство упрощённого «эллинистического» языка Нового Завета). Гаман совершенно прав, обращая внимание этих критиков на то, что судить о достоинствах и изъянах мёртвого языка нельзя исключительно на основании дошедших до нас письменных источников, поскольку уже ушедшая в небытие живая речь носителей древнегреческого языка была несравненно богаче книжной.

Важной идеей Гамана была неизбежность создания особого сакрального языка в связи с возникновением христианства, а равно и порождения особого стиля проповедования новой веры. Очевидные восточные черты библейского и церковного языка следует воспринимать как отражение исторических истоков христианства, а не как стилистические ошибки или попытки подстроиться под вкусы толпы (в чём нередко обвиняли Св. Петра). Здесь Гаман обращает внимание на чрезвычайно важный парадокс: Божественное откровение сознательно выражается через простые человеческие формы, подобно воплощению Христа в образе человека. Поэтому внешняя простота или даже кажущаяся несовершенство языка Священного Писания не умаляют его духовной истины. В этой связи не должно удивлять то, что стиль Нового Завета принадлежит преимущественно к низкому, разговорному и эпистолярному роду речи, что целиком соответствует, по мысли Гамана, его предназначению. История языка, истоки обычаев и религиозные традиции тесно взаимосвязаны, и развитие языка также подчиняется общим историческим закономерностям. Распространение и изменения языков продиктованы миграциями народов,

культурными контактами и меняющейся общественной средой. Гаман приводит современные ему и исторические примеры того, как отдельные слова и целые выражения переходят из одной культуры в другую и приобретают новые значения. Письмо завершается великолепной притчей о Мисри-эфенди, подчёркивающей мысль о том, что истинное вдохновение и духовная глубина не поддаются формальному суду критиков и догматиков (см. подробнее о метакритицизме Гамана в [Griffith-Dickson, 1995]).

Во втором письме Гаман предлагает собственную программу систематического изучения древнегреческой литературы и философии. Главной целью своего обучения он считает не формальное знание грамматики, а проникновение в дух античных авторов и своеобразие древнегреческого языка. Изучение должно идти, по его мысли, от поэзии к философии, а затем к истории и ораторскому искусству как высшей ступени гуманитарного образования. Среди философов особое значение он придаёт Гиппократу, Аристотелю и Платону как творцам различных способов познания мира. Платон и Аристотель рассматриваются им как взаимодополняющие мыслители, которых необходимо читать в постоянном сопоставлении. Особое понимание отличает Гамана в том, что касается философии Сократа [Steffes, 2025].

История, по убеждению Гамана, может быть понята лишь в связи с философией, поэзией и осмыслением настоящего и будущего. Поэзия помогает синтетически постигать действительность, тогда как философия раскрывает её аналитически. Истинное красноречие возникает только на основе глубокого знания истории, философии и поэзии, а не благодаря одной лишь риторической технике. Современную ему учёность он подвергает критике за формализм, схоластику и утрату живой связи с природой и подлинным знанием (см. также [Bayer, 2012; Sparling, 2011]). Гаман утверждает, что знакомство с наследием древних невозможно без понимания природы, поскольку античные тексты являются её отражением, а не самоцелью. Главный вопрос гуманитарного образования заключается, таким образом, в определении правильного соотношения природы и античного наследия как источников мудрости. Особое внимание Гаман уделяет трагикам: Еврипида он ценит как мастера риторики и воздействия на широкую публику, однако его творчество уступает философской глубине Софокла. Образ Одиссея становится для Гамана оценочным критерием в процессе сопоставления мировоззрения обоих драматургов и их понимания человеческой природы. Гомер и Софокл, по его мнению, воплощают идеал мудрости, нравственного величия и истинного искусства, тогда как позднейшие интерпретации нередко искажают их замысел. Письмо завершается признанием Гамана, что изложенный им план представляет собой скорее высокий интеллектуальный идеал, к которому следует стремиться на протяжении всей жизни, чем конкретную задачу дня.

В третьем письме Гаман подвергает уничтожающей критике принципы Берлинского Просвещения (в частности, так называемую «популярную философию» – *Populärphilosophie*) (см. о ревизии взглядов на роль Гамана в

эпоху Просвещения в [Betz, 2009]). Он вскрывает поверхностность и лицемерие современной ему светской культуры, которая ставит внешнюю форму выше сути. Изящество и основательность были главными лозунгами и эстетическими идеалами просветителей того времени, считавших, что текст должен быть написан легко для восприятия и в то же время мог бы претендовать на научную «основательность». Популярное и правдоподобное Гаман трактует в этой связи как потакающие вкусам толпы, то, что лишь кажется светскому обществу истиной, поскольку не нарушает его спокойствия и укладывается в рамки обывательского здравого смысла. Гаман указывает, что на самом деле правила в литературе и философии его эпохи диктуются капризами моды, салонами «большого света» и влиятельными критиками-рецензентами. Истинными же и сущностными свойствами вещей «популярная философия» охотно жертвует.

Особое место в третьем письме занимает заочная полемика с И.Д. Михаэлисом. Благодаря адресата за книгу Михаэлиса о средствах понимания древнееврейского языка, Гаман, на первый взгляд, высоко оценивает её научную значимость. Вместе с тем, он считает, что достоинства Михаэлиса как автора сочетаются с фундаментальным методологическим заблуждением, пронизывающим все его исследования, и сила его аргументации не гарантирует истинности выводов.

В этом контексте Гаман различает читателей, ищущих лишь подтверждения своим взглядам, стремящихся к истине и действительно владеющих ею, подчёркивая различие их отношения к научным трудам. Он отмечает, что общий замысел его собственных филологических занятий совпадает с рекомендациями Михаэлиса, однако он принимает далеко не все методы последнего. Особое сомнение вызывает у него использование арабского языка как главного средства реконструкции древнееврейского; этот путь представляется ему ненадёжным и допускающим ошибочные выводы. Истинная филология, по его мнению, требует не только эрудиции, но и интеллектуальной честности, умения различать гипотезы и доказательства. Он критикует внешнюю учёность, которая производит впечатление мастерства, не приводя к подлинному пониманию языка и текста. Рассуждения Михаэлиса о происхождении языков и классификации слов кажутся автору недостаточно обоснованными и слишком умозрительными. Характер древнееврейского языка требует самостоятельного исследования и не должен безоговорочно объясняться через призму арабского языка.

Попытки «оживить» древнееврейский язык исключительно научными методами Гаман относит к почти утопическим проектам, ибо толкование Священного Писания не может быть сведено к филологической технике, поскольку оно требует понимания духовного содержания и силы библейского откровения (см. [Leibrecht, 1958]). Гаман подчёркивает, что великие экзегеты не всегда являются великими языковедами, а глубокое знание языка ещё не гарантирует правильного понимания текста. Обращаясь к вздорной мысли Б. Паскаля о возможности дешифровать все языки, он показывает

ограниченность и чрезмерную самонадеянность чисто рационалистических представлений о языке и познании. В заключение Гаман замечает, что подлинная мысль нередко оказывается трудной для восприятия, тогда как чрезмерная ясность научных сочинений может создавать лишь иллюзию понимания. Это в полной мере относится к текстам самого Гамана, читать которые на основе одного лишь *ratio* бесполезно.

Продолжение размышлений о простоте и сложности, потакании вкусам светского общества и, напротив, необходимости воспитывать его вкус мы находим в ироническом эссе «Лакомства в гардеробную одного духовного лица в Оберланде». На этот раз адресат известен – это Себастьян Фридрих Трешо (1733-1804), немецкий теолог, писатель и диакон из города Морунген (в исторической области Оберланд, Пруссия). На момент написания эссе ему исполнилось всего 29 лет, но незадолго до этого Трешо опубликовал книжку под названием *Näschereyen in die Visiten-Zimmer am Neujahrs-Tage* («Лакомства для гостиных в Новый год») в духе сентиментальной, поверхностной религиозности, которая предназначалась для развлечения светского общества в салонах. Гамана глубоко возмутило то, что Трешо превращает глубокие духовные и теологические вопросы в легкомысленное салонное «угощение» по случаю для скучающей публики. В письме от 7 мая 1762 г., адресованном его другу Иоганну Готтхельфу Линднеру (1729-1776), он презрительно именует Трешо «маленьким франтом фон Лакомкой» (*der kleine Geck von Näscher*). В своём ядовитом эссе Гаман бесцеремонно вторгается в укромную «гардеробную» Трешо, чтобы сорвать с него маску благочестия.

Гаман полагает, что молодые авторы (как Трешо) и светские читатели, которые гонятся за «модной», «изящной» популярной философией и лёгкими истинами в духе Просвещения, подобны Прародительнице Еве: они кажутся себе «невинными», просто «лакомятся» красивыми умными словечками в салонах, но на деле вкушают всё тот же яд ложного познания. Гаман утверждает, таким образом, что Просвещение совершает то же первородное грехопадение, но на интеллектуальном уровне.

Своему оппоненту он предлагает ознакомиться с французским философским сочинением *De la Nature* («О природе»), считая его заслуживающим серьёзного внимания, несмотря на спорность отдельных положений. Гаман отмечает, что религия и светская культура не должны быть искусственно противопоставлены друг другу, поскольку обе способны служить познанию истины. Особо отмечает он литературные достоинства книги: зрелый стиль, философскую насыщенность, нравственное содержание и богатство наблюдений. Вместе с тем он не принимает центральную гипотезу произведения без критики и стремится отделить ценные идеи от спорной системы. Так, главной темой первой части упомянутой книги является учение о равновесии добра и зла в природе. Признавая важность самой постановки проблемы, Гаман считает понятие «равновесия» неопределённым и допускающим взаимоисключающие толкования. По его мнению, доказательства автора книги не устраняют

внутренних противоречий, а нередко лишь прикрывают их удачной риторикой. Во второй части книги Гаман с неподдельной иронией комментирует происхождение и развитие живой и неживой природы на основе идеи всеобщего размножения и единства органического мира. Но наиболее язвительную критику он посвящает третьей части книги, которая посвящена объяснению понятия «моральный инстинкт» и попытке соединить психологию, физиологию и философию в единую систему. Весь обзор сопровождается, как обычно у Гамана, многочисленными литературными, библейскими и античными параллелями, превращающими рецензию в самостоятельное философское размышление. Гаман постоянно стремится отделить действительно плодотворные идеи от эффектных, но недостаточно обоснованных теоретических конструкций и завершает эссе мыслью о том, что истинная философия требует одновременно интеллектуальной свободы, скромности и уважения к сложности природы, которая всегда богаче любой человеческой системы.

Наиболее известным текстом сборника, вне всякого сомнения, является «Эстетика в ореховой скорлупе» (то есть в кратком изложении). Название эссе является, по всей видимости, отсылкой к сатирическому произведению Кристофа Отто фон Шёнайха *Die ganze Ästhetik in einer Nuß* (1754; «Вся эстетика в орешке»). В то же время, выражение *in nuce* восходит к анекдоту, приведённому Плинием Старшим в его *Естественной истории*, который приписывает Цицерону утверждение о том, что когда-то вся *Илиада* была написана на пергаменте и помещена в скорлупу ореха. Примечательно и использование термина «рапсодия» («песнь сказителя») в подзаголовке эссе в контексте каббалистической прозы, и это специфическое сочетание призвано, по-видимому, подчеркнуть такие аспекты рассуждений Гамана, как мозаичность знания (подобно древнегреческим рапсодам, соединявшим разные сюжеты из разрозненных частей, каббалистические тексты не имеют последовательно разворачивающегося сюжета, включают диалоги, притчи, пророческие видения и мистические озарения), импровизацию (рапсодии свойственна свобода изложения, а мистик-каббалист пересказывает тайны мироздания, выражая сильные духовные переживания и не придерживаясь строгой логической структуры), смысловую многослойность, словом, всё то, что характерно для стиля Гамана.

«Эстетика» представляет собой философский манифест, в котором поэзия, язык, природа и Священное Писание рассматриваются как единое Божественное откровение. Гаман утверждает, что поэзия является древнейшим и естественным языком человечества, возникшим раньше философии, науки и отвлечённого мышления, тем самым ставя под сомнение примат рационального. Источник всякого познания заключается, по его разумению, не в абстракциях, а в чувственном образе, символе и живом слове. Человек как образ Божий становится главным посредником между Творцом, природой и языком. Язык понимается как непрерывный перевод Божественной реальности в человеческие слова, знаки и образы. Природа и Священное Писание рассматриваются как две

книги одного Автора, взаимно дополняющие друг друга и требующие единого способа истолкования. Поэтому Гаман резко критикует рационалистическую философию, которая разрушает живое восприятие природы посредством отвлечённых понятий и искусственных систем. Истинное познание невозможно без чувств, воображения и страстей, поскольку именно они придают мышлению жизненную силу и творческую энергию.

Античная мифология, библейская символика и поэзия образуют единое культурное пространство, отражающее универсальные законы человеческого духа. Современные ему эстетику и филологию он упрекает в отрыве от первоначального языка природы и в чрезмерном увлечении формальными методами исследования. В этой связи Гаман призывает вернуться к первоначальной образности языка, в которой раскрывается единство мышления, искусства и религиозного опыта. Особое внимание уделяется в эссе происхождению стихотворной формы, ритма и рифмы, которые рассматриваются как естественные проявления человеческой речи и чувств. Основная идея произведения состоит в том, что истинная эстетика должна соединять философию, поэзию, филологию и богословие, возвращая человека к целостному восприятию мира как творения Божия.

Единственный текст сборника, целиком написанный на латинском языке, – «Латинское упражнение». В этом фрагменте Гаман с сарказмом вспоминает историю создания своего юношеского *laudatio*, оформляя его как пародию на титульный лист академической диссертации. В 1751 г. уже упомянутый выше друг Гамана, И. Г. Линднер, тогда ещё совсем молодой ученый, защищал диссертацию в Кёнигсбергском университете Альбертина. Гаман, бывший тогда студентом этого университета, написал для издания диссертации Линднера небольшое шутивное приложение на латыни (в жанре так называемых «сопутствующих стихов»), где пространно рассуждал о филологии, роли сновидений и взаимосвязи реальности и интуиции. Спустя 11 лет в «Крестовых походах» он перепечатывает его, снабдив этим язвительным предисловием.

Он открывает своё похвальное слово объяснением того, почему он согласился поддержать сочинение Линднера, считая дружеский долг важнее собственной репутации (юный Гаман не обладал нужным научным весом для подобного научного труда и мог заслужить репутацию выскочки). Поводом для эссе становится размышление о природе сновидений и о возможности их пророческого значения, и Гаман высоко оценивает книгу Линднера о сне и сновидениях, видя в ней проявление глубокого философского мышления. Он отмечает широкое распространение искусства толкования снов в древности и перечисляет наиболее известных авторов, писавших на эту тему. Вместе с тем он относится к традиционной онейрокритике с большой долей иронии, считая большинство предсказаний плодом остроумия, а не достоверного знания. Однако он полностью не отвергает значение снов, признавая свидетельства Священного Писания и человеческого опыта.

Особый интерес вызывает философская гипотеза о том, что во сне душа может проявлять более высокие способности, чем в состоянии бодрствования. Гаман сопоставляет эту точку зрения с объяснением Линднера, связывающим сон с физиологическим состоянием организма и восстановлением жизненных сил. Он предполагает, что во сне душа не прекращает своей деятельности, хотя человек не осознаёт большинства происходящих в ней процессов. Забытые мысли и образы могут сохранять скрытую связь с последующей сознательной деятельностью человека. Воображение после пробуждения использует эти внутренние впечатления, превращая их в осознаваемые представления. Гаман допускает существование связи человеческой души с духовным миром и возможность влияния ангелов или иных духовных существ на сновидения. Этим он объясняет происхождение некоторых предчувствий, внезапных решений, вдохновения и необъяснимых душевных побуждений. Собственную дружбу с Линднером автор также склонен понимать как проявление особого духовного сродства, существовавшего ещё до их знакомства.

Несколько неожиданным является включение в сборник «Юношеских стихотворений по случаю», но на самом деле четыре стихотворения рисуют портрет Гамана до того, как он стал «Северным волхвом». Здесь он ещё послушный, прилежный сын и студент Кёнигсбергского университета, который аккуратно и изящно рифмует строки по правилам классической немецкой пиитики, чтобы порадовать отца. Однако за этой традиционной формой праздничного поздравления уже просматривается его главное устремление: желание выразить «истинное содержание души» (*Inhalt meiner Seele*) через живое, чувственное и личное слово, а не через пустые академические штампы. Так, «Поздравление сына...» было написано 19-летним Гаманом в 1749 году в Кёнигсберге как торжественное стихотворение ко дню рождения его отца, Иоганна Кристофа Гамана (1697–1766), который был по профессии врачом-купальщиком и хирургом. Юный Гаман пишет в очень популярном тогда стиле раннего немецкого Просвещения и сентиментализма, воспевая искренность, честность и подлинность чувств своего отца.

«Дружеская песнь» представляет интимную дружескую лирику, написанную Гаманом для кёнигсбергского друга Самуэля Готтхильфа Хеннингса (1725–1787). Произведение, насыщенное сентиментальными образами, воспекает культ дружбы; здесь встреча с единомышленником ценится выше поэтической славы и приносит физическое исцеление. Общение с Хеннингсом становится для Гамана истинной музой, а томительное ожидание встречи с другом – творческим состоянием, и Гаман описывает радость грядущей встречи как целительную силу, способную преобразить меланхолию во вдохновение, а мягкий осенний вечер – во время для философских бесед, восполняющее упущенные радости лета.

Наконец, «На двадцать второе число» – торжественный поздравительный стих, написанный 21-летним Гаманом, посвящен дню рождения его отца. Гаман использует мотивы анакреонтической поэзии, призывая сменить будничные

заботы на праздничное веселье. Поздравление объединяет темы семейного тепла, любви к родителям и глубокие философско-теологические размышления о земном и божественном отцовстве. Гаман, выступая в роли старшего сына, искусно переплетает античные образы с христианскими ценностями, фокусируясь на божественном Промысле.

Дискуссия (Discussion)

Эти стихотворения интересны тем, что при всей своей внешней простоте они представляют собой не столько семейную и дружескую лирику, сколько раннюю философско-богословскую программу Гамана. Многие мотивы, которые позднее разовьются в «Эстетике», «Сократических достопримечательностях» и письмах, здесь уже присутствуют в скрытом виде:

- *семейная лирика как прообраз богословия*: на первый взгляд перед нами стихи о сыновней любви, однако образ земного отца постоянно проецируется на Бога-Отца, а семейная жизнь становится моделью отношений человека с Творцом; поэтому день рождения отца превращается в почти литургическое событие;

- *поэзия как молитва*: Во всех стихотворениях поэзия почти никогда не рассматривается Гаманом как искусство ради искусства, она характеризуется как благословение, благодарность, фимиам, жертва, а поэт выступает в роли священнодействующего, он – первый толкователь языка Бога;

- *скрытая эстетическая программа*: Почти в каждом стихотворении присутствует противопоставление искусства и сердца, и позднее Гаман будет постоянно утверждать, что настоящее искусство рождается не из техники, а из чувства;

- *поэт как музыкант*: в юношеских стихотворениях Гаман выражает свои впечатления посредством музыкальных образов (лютня; струны; аккорды; гармония; шелест; пульс). Музыка оказывается не украшением текста, а моделью мира;

- *биография превращается в символ*: мать становится образом утраченного рая, вся человеческая жизнь мыслится как воспоминание о первоначальной любви;

- *дружба как мистическое единство*: во втором стихотворении дружба описывается почти религиозным языком, и это значительно сильнее и более значимо, чем дружеская сентиментальность XVIII века. Дружба становится аналогом благодати, она буквально оживляет кровь, практически воскрешая к жизни;

- *кровь как духовная энергия*: Во всех поэтических текстах постоянно звучат кровь, сердце, грудь, пульс, жизнь. Если для рационалистов XVIII века подобная физиология носила лишь метафорический характер, то у Гамана она почти сакральна. Жизнь души переживается телесно, что позволяет отрицать разделение духа и тела;

- *вино как евхаристический символ*: это не анакреонтическая поэзия в собственном смысле, так как рядом с упоминанием вина находятся любовь, благословение, Провидение, что превращает вино в скрытый образ Евхаристии;
- *Провидение важнее судьбы*: в текстах молодого поэта отсутствует античный рок, а его место занимает Провидение, история управляется не судьбой, а личным Богом;
- *истинная поэзия рождается не из искусства, а из любви*: Любовь к отцу, к другу, к семье, к Богу представляют собой не четыре разные темы, а четыре проявления одной реальности. Именно поэтому в этих ранних стихотворениях почти отсутствует обычная для поэзии XVIII века автономная эстетика, и красота никогда не существует сама по себе, она всегда связана с нравственным чувством, благодарностью, дружбой, благочестием и Провидением. Именно это внутреннее единство составляет наиболее глубокий смысл данных стихотворений и позволяет рассматривать их как своеобразный пролог ко всей последующей философии языка и эстетике Гамана.

Не менее важен для понимания того, как складывалось мировоззрение Гамана, его «Памятник» – один из самых трогательных, личных и эмоционально заряженных текстов во всем наследии Гамана. Это «Памятник» (*Denkmal*), который он воздвиг в память о своей матери, Марии Магдалине Гаман (урожденной Нуппенау), скончавшейся после тяжелой болезни в Кёнигсберге 15 июля 1756 г. Текст написан на следующий день после её смерти (в *Heumonat* – старинное немецкое название июля). Это плач блудного сына, созданный за два года до его лондонского религиозного перелома, но уже предвосхищающий всю глубину его будущей философии. Этот текст значительно отличается от предыдущих писем и стихотворений. Если ранние произведения Гамана посвящены дружбе, поэзии и эстетике, то здесь мы имеем дело с глубоко личной медитацией, написанной после смерти матери. За внешней формой надгробного размышления скрывается целая система философских и богословских идей, многие из которых впоследствии станут центральными в его зрелом творчестве.

Наиболее глубокий смысл текста заключается в том, что мать и здесь перестаёт быть только биографической фигурой. Она становится первым посредником между человеком и Богом, соработницей Провидения, она продолжает творческое действие Бога. Очень необычны слова «Будьте благословенны... останки моей матери». Для рационалиста XVIII века мёртвое тело – лишь материя, но у Гамана оно приобретает почти сакраментальное значение. Особенно поразительна его фраза «у гроба которого я сегодня хочу собороваться». Смерть матери становится личной литургией сына.

Первый образ текста кажется случайным: сын спасается на останках отца во время кораблекрушения. Однако дальше становится ясно: вся жизнь – кораблекрушение. Кроме того, это почти прямая аллюзия на спасение апостола Павла (*Деян. 27*).

В размышлениях Гамана практически исчезает самостоятельная ценность земной жизни. Она определяется исключительно через вечность («эта Земля не

есть моё наследие»). Всё существование приобретает характер пути, паломничества, исхода. Смерть становится наставником, что напоминает средневековую традицию *emento mori*, однако у Гамана смерть не просто возвещает о конце бытия, она учит правильно жить.

Центральным для «Памятника» становится чувство благодарности, которое распространяется на всё: жизнь; мать; тело; время; смерть; Провидение. Гаман сотворяет своего рода философию благодарности. Провидение приобретает при этом особую весомость, практически каждое событие получает смысл, благодаря ему. Даже смерть матери – не случайность, а завершение Божественного замысла. Более того, вся история становится биографией Бога, а Христос мыслится как центр всей онтологии. Текст постепенно восходит от матери к смерти, затем к Провидению и, наконец, к Христу. И, хотя Страшный Суд ещё впереди, но уже слышен звук шагов Господа, вечность вторгается во время.

Память превращается в нравственный долг. Память о матери должна изменить жизнь сына, и память становится этикой. Смерть не разрушает связь человека с теми, кого он любит; она лишь переводит эту связь из природного порядка в духовный. Именно поэтому мать постепенно перестаёт быть только матерью. Она становится: свидетельницей Провидения, образом Церкви, наставницей благочестия, первым проводником к вечности. Через её смерть Гаман впервые по-настоящему осознаёт то, что позже станет основой всей его философии языка, истории и религии: каждое событие человеческой жизни является знаком, требующим духовного истолкования. Смерть матери оказывается не только личной трагедией, но и откровением о назначении человека, о смысле истории и о конечной цели существования. Именно поэтому весь текст можно рассматривать как первую зрелую медитацию Гамана о Провидении, в которой биографическое событие превращается в богословский символ универсального значения.

Результаты (Results)

Сборник «Крестовые походы филолога» завершает «Небольшой опыт по составлению указателя для единственной буквы Р». Это и эпилог, и прощальная насмешка Гамана над рационализмом и всяческими попытками проникнуть в смысл его книги при помощи поверхностной рациональности.

Вместо обычного предметного алфавитного указателя, в конце книги Гаман устраивает очередную концептуальную мистификацию. Он собирает термины, понятия и имена, которые начинаются исключительно на немецкую букву «Р» (*Philolog, Prophet, Poesie, Paulus, Plato* и пр.). Формально это алфавитный указатель, но по существу – автопортрет, литературная мистификация и философский манифест одновременно. Он напоминает одновременно словарь, сатиру, исповедь и своеобразное послесловие ко всему написанному ранее. Здесь почти каждая строка имеет второй и третий смысл.

Этот краткий указатель выступает в финале сборника как пародия на рационалистическую филологию. Гаман смеётся над просветительской верой в возможность организовать знание посредством каталогов, таблиц и классификаций. Особенно, если дело касается буквы, с которой начинаются основные понятия «Крестовых походов». Филолог становится главным героем указателя, но Гаман, относя себя к этой категории, не говорит о себе в первом лице, а приписывает отрывочные, броские характеристики, уводящие в совершенно неверном направлении интерпретацию его размышлений, типичному «щёголю», рационально мыслящему, но неспособному на глубинные интерпретации текста «судье искусства».

Можно было бы каждому определению в этом разделе придать собственную интерпретацию, но таковая вряд ли может претендовать на объективность. Но, возможно, именно с этой рациональной объективностью и боролся Гаман, призывая вручить лопату своей Музе, дабы она отбросила всё то, что не имеет отношения к интуиции, вере и чувственной составляющей человеческой души? Что имел в виду Гаман, «предпочитая своих сиделок-надзирательниц Аристархам»? Возможно, на поверхности – признание в том, что скверно учился, а в глубинах текста – возвышение живого слова над мёртвыми академическими фразами. Иронически уверяя, что не понимает ни по-арабски, ни по-древнееврейски, Гаман, вероятно, постулирует, что истина не зависит от эрудиции. Замечая, что в его библиотеке сплошь дефектные книги, Гаман, по всей видимости, рисует философскую метафору, что совершенных книг не существует и что человеческое знание всегда неполно. Когда филолог говорит с останками матери и с Архангелом, он, наверное, соединяет земное и небесное, веря в то, что поэзия способна разговаривать с обоими мирами одновременно. Наконец, прибегая к своему излюбленному макароническому стилю, Гаман делает программное признание: смешение цитат на латыни и древнегреческом, фрагментов, стихотворных строк, мест из Священного Писания, немецких разговорных выражений – отражение самой природы языка, в котором нет ничего рационального.

Самым необычным может показаться упоминание в качестве пророков Ирода и Каиафы. На первый взгляд Гаман допускает ошибку, но в христианском понимании именно Каиафа невольно пророчествует (*Ин. 11:49–52*), так что даже враги Бога оказываются орудиями Промысла.

Заключение (Conclusion)

Последняя строка книги Гамана – *Cetera desunt* («Прочее отсутствует») – не означает отсутствие пригодного либо показательного материала. Это сознательное завершение текста, так как ни один указатель не может охватить живую мысль, тем более отражённую в философском дискурсе Гамана. Под видом скромного библиографического указателя он даёт читателю тайный ключ к своему труду, который представляет собой сеть взаимосвязанных символов, где каждое эссе служит ключом к другому. Поэтому своей последней фразой он

утверждает фундаментальный принцип герменевтики: ни один текст не может быть завершён, ибо окончательный смысл принадлежит не его автору, а тому Логосу, который глаголет посредством человеческого языка. Указатель остаётся незавершённым, как остаётся открытым и бесконечным сам процесс понимания.

В итоге перед нами оказывается мыслитель, строящий собственную герменевтику культуры, где филология, поэзия, богословие, история, биография и перевод образуют единую систему (см. [Smith 1960]). Гамана точнее было бы назвать в этой связи философом символического опыта, предшественником блистательного Э. Кассирера. Язык у него – лишь один из способов, которыми Бог говорит с человеком. Наряду с языком такими же «текстами» оказываются природа, история, дружба, семейная жизнь, смерть, память и даже повседневные события. В этом смысле всё существование становится предметом интерпретации. Публикация перевода бессмертного труда Гамана – тоже лишь первый шаг на нашем долгом пути к интерпретации криптограмм «Северного Волхва».

Список литературы

- Аликаева Л. С. Интеллектуальное окружение Гамана и особенности формирования его лингвофилософской концепции на раннем этапе / Л. С. Аликаева, М. Р. Тогузаева, Р. С. Аликаев // Университетский научный сборник № 3 : Сборник научных трудов национальной университетской научно-практической конференции, приуроченной к 85-летию со дня основания Кабардино-Балкарского государственного университета, Нальчик, 20–25 сентября 2019 года. Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, 2019. С. 243-250. EDN PTVJ CZ.
- Гильманов В. Х. «Крестовые походы» И. Г. Гамана против Просвещения // Вестник Московского университета: Серия 7. Философия. 2005. № 3. С. 14-26.
- Гильманов В. Х. Мышление и вера. Послесловие к переписке, касающейся взаимоотношений между Гаманом и Кантом / В. Х. Гильманов // Кантовский сборник. 2013. № 2(44). С. 93-101. EDN QCHMJD.
- Радченко О. А. Язык как мирозидание: лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. 5-е изд., испр. и доп. LAP Lambert Academic Publishings, 2024. 520 с.
- Alexander W. M. Johann Georg Hamann: Philosophy and Faith. The Hague: Martinus Nijhoff, 1966. 212 p.
- Anderson L. M. (ed.), Hamann and the Tradition, Evanston (Illinois): Northwestern University Press, 2012. 226 p.
- Bayer O. A Contemporary in Dissent: Johann Georg Hamann as a Radical Enlightener / transl. by R. A. Harrisville, M. C. Knudsen. Grand Rapids, MI: William B. Eerdmans Publishing Company, 2012. 254 p.
- Beetz M. (ed.). Johann Georg Hamann: Religion und Gesellschaft. Tübingen: Niemeyer, 2002. 427 S.
- Beiser F. C. The Fate of Reason: German Philosophy from Kant to Fichte. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1987. 410 p.
- Betz J. R. After Enlightenment: The Post-Secular Vision of J. G. Hamann. Malden, MA; Oxford: Wiley-Blackwell, 2009. 360 p.
- Griffith-Dickson G. Johann Georg Hamann's Relational Metacriticism. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1995. 534 S. (Theologische Bibliothek Töpelmann)
- Haynes K. Johann Georg Hamann. Writings on Philosophy and Language. Translated and edited by Kenneth Haynes. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 252 p.

- Leibrecht W.* God and Man in the Thought of Johann Georg Hamann. New Haven: Yale University Press, 1958. 216 p.
- O'Flaherty J. C.* The Quarrel of Reason with Itself: Essays on Hamann, Michaelis, Lessing, Nietzsche. Kingston; Montreal: McGill–Queen's University Press, 1988. 257 p.
- Smith R. G. J. G.* Hamann 1730–1788: A Study in Christian Existence. London: Collins, 1960. 270 p.
- Sparling R. A.* Johann Georg Hamann and the Enlightenment Project. Toronto: University of Toronto Press, 2011. 368 p.
- Steffes H.* „Der unbedachtsame Alcibiades an der Brust [des] Sokrates“ – Zu Hamanns und Herders divergierenden Sokratesdeutungen // Achermann E., Reibold J. (eds.) ... genaueste Localität, Individualität und Personalität. Johann Georg Hamann in Königsberg. Acta des dreizehnten Internationalen Hamann-Kolloquiums in Lüneburg. Göttingen: V&R unipress, 2025. S. 279-302. [= Hamann-Studien 7].
- Van Noppen J.-P. (ed.)* Theolinguistics. Brussels: Vrije Universiteit Brussel, 1981. 356 p. (Studiereeks Tijdschrift van de Vrije Universiteit Brussel; n. 8).

References

- Alexander W. M.* (1966). Johann Georg Hamann: Philosophy and Faith. The Hague: Martinus Nijhoff. 212 p.
- Alikaev R.S., Alikaeva L.S., Toguzueva M.R.* (2019). Intellekturnoe okruzhenie Gamana i osobennosti formirovaniya ego koncepcii na rannem etape. *Proceedings of the National Scientific and Practical Conference commemorating the 85th anniversary of the founding of Kabardino-Balkarian State University*. Nal'chik: KBGU: 240-243.
- Anderson L. M. (ed.)*, (2012). Hamann and the Tradition, Evanston (Illinois): Northwestern University Press. 226 p.
- Bayer O.* (2012). A Contemporary in Dissent: Johann Georg Hamann as a Radical Enlightener / transl. by R. A. Harrisville, M. C. Knudsen. Grand Rapids, MI: William B. Eerdmans Publishing Company. 254 p.
- Beetz M. (ed.)*. (2002). Johann Georg Hamann: Religion und Gesellschaft. Tübingen: Niemeyer. 427 S.
- Beiser F. C.* (1987). The Fate of Reason: German Philosophy from Kant to Fichte. Cambridge, MA: Harvard University Press. 410 p.
- Betz J. R.* (2009). After Enlightenment: The Post-Secular Vision of J. G. Hamann. Malden, MA; Oxford: Wiley-Blackwell. 360 p.
- Gil'manov V. H.* (2005). «Krestovye pohody» I. G. Gamana protiv Prosveshcheniya. *Journal of Moscow University: Series 7. Philosophy*. 3: 14-26.
- Gil'manov V. H.* (2013). Myshlenie i vera. Posleslovie k perepiske, kasajushhejsja vzaimootnoshenij mezhdru Gamanom i Kantom / V. H. Gil'manov. *Kantovskij sbornik*. 2(44): 93-101. EDN QCHMJD.
- Griffith-Dickson G.* (1995). Johann Georg Hamann's Relational Metacriticism. Berlin; New York: Walter de Gruyter. 534 S. (Theologische Bibliothek Töpelmann)
- Haynes K.* (2007). Johann Georg Hamann. Writings on Philosophy and Language. Translated and edited by Kenneth Haynes. Cambridge: Cambridge University Press. 252 p.
- Leibrecht W.* (1958). God and Man in the Thought of Johann Georg Hamann. New Haven: Yale University Press. 216 p.
- O'Flaherty J. C.* (1988). The Quarrel of Reason with Itself: Essays on Hamann, Michaelis, Lessing, Nietzsche. Kingston; Montreal: McGill–Queen's University Press. 257 p.
- Radchenko O. A.* (2024). Jazyk kak mirosozidanie: lingvofilosofskaja koncepcija neogumbol'dtiansva. 5-e izd., ispr. i dop. LAP Lambert Academic Publishings, 520 p.
- Smith R. G.* (1960). J. G. Hamann 1730–1788: A Study in Christian Existence. London: Collins. 270 p.
- Sparling R. A.* (2011). Johann Georg Hamann and the Enlightenment Project. Toronto: University of Toronto Press. 368 p.

Steffes H. (2025). „Der unbedachtsame Alcibiades an der Brust [des] Sokrates“ – Zu Hamanns und Herders divergierenden Sokratesdeutungen. *Achermann E., Reibold J. (eds.) ... genaueste Localität, Individualität und Personalität. Johann Georg Hamann in Königsberg. Acta des dreizehnten Internationalen Hamann-Kolloquiums in Lüneburg*. Göttingen: V&R unipress: 279-302. [= Hamann-Studien 7].

Van Noppen J.-P. (ed.) (1981). *Theolinguistics*. Brussels: Vrije Universiteit Brussel. 356 p. (Studiereeks Tijdschrift van de Vrije Universiteit Brussel; n. 8).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Радченко Олег Анатольевич – доктор филологических наук, профессор, преподаватель, Образовательная корпорация «Грейбридж Мэлкэм», Карлинг Авеню, д. 1225, офис 610, Оттава, Онтарио, K1Z 8R9, Канада;
orcid.org/0000-0003-3808-9461; e-mail: radoleg@gmail.com

Аликаев Рашид Султанович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой немецкой и романской филологии, Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, ул. Чернышевского, д. 173, 360004, г. Нальчик, Кабардино-Балкарская республика, Россия;
orcid.org/0000-0001-7602-4349; e-mail: ralikaev@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Oleg A. Radchenko, Dr. Sci. (Philology), Senior Professor, Language Instructor, Graybridge Malkam Educational Corporation, 1525 Carling Avenue, Suite 610, Ottawa, Ontario, K1Z 8R9 Canada;
orcid.org/0000-0003-3808-9461; e-mail: radoleg@gmail.com

Rashid S. Alikaev, Dr. Sci. (Philology), Senior Professor, Head of the German and Romance Languages Department, Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, 173 Chernyshevsky Street, Nalchik, 360004, Kabardino-Balkarian Republic, Russia;
orcid.org/0000-0001-7602-4349; e-mail: ralikaev@mail.ru

Поступила в редакцию
Принята в печать
Опубликована

15.04.2026
22.05.2026
15.09.2026

Received
Accepted for publication
Published

15 April 2026
22 May 2026
15 September 2026

Иоганн Георг Гаман

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ ФИЛОЛОГА (1762)¹

Трилистник

эллинистических писем

«Но писал вам, братия, с некоторою смелостью...»

(Послание Павла к Римлянам 15:15)

¹ Продолжение. Первая часть перевода опубликована в номере 2 нашего журнала за 2026 год. Перевод выполнен доктором филологических наук, профессором О. А. Радченко по оригиналу: Hamann J.G. *Kreuzzüge des Philologen* // Hamann's Schriften. Herausgegeben von Friedrich Roth. Zweiter Teil. Berlin, bey G. Reimer, 1821. S. 103-342. Дополнительно привлекались варианты, размещённые на сайтах: www.zeno.org, www.tha.de. В тексте сохранены авторские выделения курсивом.

«Ныне ж, когда я стремлюсь последней намеченной цели
Бега достичь, укажи мне путь, хитроумная Муза,
Ты, Каллиопа, отрада людей и бессмертных улада!»²
(Лукреций, *О природе вещей*, книга VI)

Первое письмо.
— — 1759.

Ваше высокоблагородие!

За любезное предоставление рукописи приношу Вашему высокоблагородию мою самую искреннюю благодарность. Благодаря этому я был побуждён к тому, чтобы перечитать *Observationes sacrae*³, ибо теперь надеюсь извлечь из них больше пользы, чем тогда, когда впервые пробежал их глазами в Курляндии.

Небольшое недомогание не позволяет мне ныне продолжить чтение моего Гомера; и Ваше полемическое сочинение дало мне повод к разного рода мыслям, которые я хочу уловить пером, чтобы время, проводимое в постели, не показалось мне слишком долгим. — Вы с полным основанием отсылаете читателя в заглавии книги к точному значению слова *observationes*; но я не понимаю, почему подобные размышления называются именно *sacrae*, а не *profanae* (светские), *criticae* (критические) и т. д., ведь они представляют собой лишь своего рода обед вскладчину светских писателей; потому спрашиваю вслед за пророком Аггеем (2: 13): если кто понесёт святое мясо в полах своей одежды и коснётся им хлеба, овощей, вина, масла или какой-либо пищи, станет ли она святой? — Священники отвечали: нет!

Спор о языке и стиле Нового Завета мне не совсем чужд; потому я сомневаюсь, что одна только грамматика способна устранить противоречия во мнениях. Нужно знать не только, что такое хороший греческий язык, как утверждает рецензент, но и что такое язык вообще; не только, что такое красноречие классического писателя, но и что такое стиль вообще. Оба эти предмета мало освещены в философском ключе. Однако именно недостаток принципов чаще всего является причиной академических препирательств. Здесь действительно требуется высшая философия, отсутствие которой у автора *Observationum sacrarum* сочли весьма похвальным позорным пятном⁴. Но так как

² Перевод Ф. П. Петровского (прим. пер.).

³ Кипке, Георг Давид (1723–1779), *Observationes sacrae in Novi Foederis libros ex auctoribus potissimum graecis et antiquitatibus* («Священные замечания к книгам Нового Завета, главным образом на основе греческих авторов и древностей», 2 т., 1755). Кипке был профессором восточных языков Кёнигсбергского университета, переводчиком работы Д. Локка *О методе человеческого разума* и инспектором Кёнигсбергской синагоги. Книга *Observationes sacrae* опровергала утверждения о том, что Новый Завет был плохо написан на упрощённой версии греческого языка, отчасти путём поиска параллелей у классических греческих авторов, а отчасти путём выявления гебраизмов в этом тексте (прим. пер.).

⁴ Гаман иронизирует над тем, что для рационалистов Просвещения глубокая вера, мистическое восприятие языка и «высшая философия» являются постыдным «пятном». Однако для самого Гамана это «пятно» — высшая похвала и истинная добродетель (прим. пер.).

мне не дано выразить это весьма высокопарно, то я изложу свои соображения простым человеческим языком.

Мне кажется весьма удобным допустить, что книги Нового Завета написаны *по-еврейски, по-гречески и по-римски*, как была сделана и надпись на кресте (Ин. 19: 20). Если верно, что они были составлены *в Иудее*, под властью римлян, людьми, кои не были образованными представителями своего времени, то характер их стиля является самым подлинным доказательством *авторства, места и времени создания* этих книг. В противном случае критика имела бы несравненно больше оснований сомневаться в их достоверности.

Поскольку эти книги написаны не для *греков* (1 Кор. 1, 22: 23), а учёные, спорящие о чистоте их языка, сами не являются урождёнными греками, но, подобно Клавдию Лисию, хилиарху, вынуждены признать касательно своего гражданского права быть критиком древнегреческого языка, что приобрели его, прилагая большие усилия (*«Я за большие деньги приобрел это гражданство»* Деян. 22: 28), тогда как Святой Павел в ответ на эти слова мог бы сослаться на свои давно изношенные детские башмаки; поскольку далее никакой язык нельзя постигнуть только по *книгам*, а язык автора соотносится с *разговорной речью* как *мёртвый* с живой – всё это достаточные признаки того, что во всех подобных исследованиях больше *заблуждения*, чем истины.

Святой Матфей, мытарь, и Ксенофонт – Кто станет ожидать от *Иоахима Ланге* стиля *фон Мосгейма*⁵? И всё же есть *проповедники*, которым, несмотря на их сан, позволено писать, как педагогам, и они не делают исключения из своих же правил для собственного стиля⁶.

Каждый образ мышления, ставший хоть немного модным, каждое едва заметное изменение страстей окрашивают выражение наших понятий. Путь христиан (который во все времена бранили как сектантский) должен был, следовательно, обрести *новый язык и сакральный стиль* в качестве своих отличительных признаков. Какую бы *общину христиан* вы ни посетили, язык в *священном месте* выдаст их *отечество и генеалогию*: они суть *языческие ветви*, привитые *вопреки природе* к *иудейскому стволу*. Чем назидательнее будет проповедник, тем громче будет звучать в наших ушах его *галилейский шибболет*. Чем больше *огня* – тем больше того *канарского шипучего*, над которым насмеются *исмаилиты* (дети нашей церкви по плоти, но не по духу) (как сказано: «Они насмешливо говорили: «Вы пьяницы»); тем больше той *росы утренней*, в лоне которой восходит *солнце праведности* со спасением под *крыльями* его. – Короче говоря, восточное в нашем проповедническом стиле возвращает нас к *колыбели* нашего *рода* и нашей *религии*; и не следует возмущаться эстетическим вкусом некоторых христианских ораторов, «если уши» (как выразился один из современных латинистов, обладающий испанским

⁵ Ланге, Йоахим (1670-1745) – профессор теологии в Галле; пиетист и автор работ по педагогике. Мосгейм, Иоганн Лоренц фон (1694-1755) – ректор Гёттингенского университета, теолог, известный своим красноречием в проповедях (прим. пер.).

⁶ Возможно, намёк на Михаэлиса (прим. пер.).

шармом⁷) «раздражают постоянные тавтологии, приятные Востоку и неприятные Европе, так что более рассудительные негодуют, а остальные дремлют».

Единство Божественного откровения предполагает, что дух Божий, обретающий своё выражение посредством *человеческого письма* святых, вдохновлённых им, столь же унижается и лишается своего величия, сколь и *Сын Божий*, принявший *образ раба*, и сколь всё сотворение мира есть дело *высшего смирения*. Восхищаться одной лишь мудростью Господа, судя о ней по чудесам природы, возможно, – такое же оскорбление, что и хамство черни, судящей о ценности разумного человека по его одежде.

Если же божественный стиль *избирает глупое – поверхностное – неблагородное*, чтобы посрамить силу и изобретательность всех светских писателей, то нужны *просвещённые, вдохновлённые, ревностные* глаза друга, *доверенного, любящего*, чтобы распознать под этим камуфляжем лучи небесной славы. «Диалект Божий – *солецизм*», – заявил один известный толкователь Святого Писания⁸. И здесь справедливо изречение: «Глас народа – глас Божий». Император говорит «*схизмо*», но *земные боги* редко озабочены людскими грамматическими ошибками. *Возвышенность* стиля Цезаря – в его небрежности.

Мы носим это сокровище божественных документов, по словам Святого Павла, «*в глиняных сосудах, чтобы преизбыточная сила была приписываема Богу, а не нам*»⁹; и стиль курии Царствия Небесного остаётся, пожалуй, особенно в сравнении с азиатскими дворами, *самым кротким и самым смиренным*. Внешний вид буквы более подобен необъезженному *детёнышу выносливой ослицы*, нежели гордым жеребцам, сломавшим шеи ради Фаэтона; – «*и не знает имён коней*»¹⁰.

Газетный и эпистолярный стили относятся, согласно всем риторикам, к низкому роду речи, для которого в греческом языке сохранилось мало аналогий. В этом духе и должно судить о стиле книг Нового Завета, и в этом отношении они в известном смысле оригинальны.

Деяния апостолов и Апокалипсис суть исторические сочинения в собственном смысле слова. О стиле, в котором следует излагать *будущие события*, мы не знаем почти ничего изопериметрического, кроме разве фрагментов дельфийских и сивиллиных изречений.

⁷ Михаэлис. См. у Бальзака: «*Христианский Сократ*», речь VI «О языке Церкви и латинском языке мессы», и речь VII «О некоторых новых парафразах». (Гез де Бальзак, Жан-Луи (1597–1654) — французский писатель, историк, автор известных «Писем», богословских и политических трактатов – прим. пер.).

⁸ Лайтфут, Джон (1602–1675), английский библеист (прим. пер.).

⁹ Сократ высказывается в *Ионе* Платона о безумии поэтов подобным образом: «Бог и отнимает у них рассудок и делает их своими слугами, вещателями и божественными прорицателями, чтобы мы, слушатели, знали, что это не они, у кого и рассудка-то нет, говорят такие ценные вещи, а говорит сам Бог и через них подает нам голос» (пер. Я. М. Боровского – прим. пер.).

¹⁰ Намёк на сухую, приземлённую филологию (в духе Кипке или Михаэлиса), которая изучает в тексте лишь грамматику, синтаксис и правила. Для Гамана это мертвая форма, лишённая духа. По Гаману, священный язык Библии (особенно «варварский» эллинистический греческий Нового Завета) внешне кажется неказистым и простым, как этот ослёнок, но на нём «восседает» Божественное Слово. Под «гордыми жеребцами» Гаман подразумевает классический, «высокий» греческий язык, эстетикой которого восхищались просветители. Смысл метафоры: ученые-пуристы гонятся за блеском и светским красноречием, но эта человеческая гордыня губит их разум так же, как кони погубили Фаэтона (прим. пер.).

Поскольку *слова* и *обычаи* являются *знаками*, то их история и философия друг другу изоморфны и тесно связаны. Вопрос: заимствовали ли язычники свои религиозные обряды у иудеев, или иудеи освятили для своего Бога похищенные ими суеверные обычаи? Этот вопрос следует анализировать по тем же принципам, что и родословную выражений, общих у различных языков. Фотий¹¹ объясняет *рыцарство* Святого Павла – умение пленять всё и обращать в послушание Христу – тем, что он прибегал даже к *языческим оборотам речи и фразам*¹².

Французский язык в наше время столь же распространён, как был некогда греческий. Но как же могло случиться, что он в *Лондоне* и *Берлине* вырождается так же, как греческий, который, по-видимому, *исковеркали* в Иудее и особенно в Галилее. Намерение, время, место пребывания автора определяют его выражения. Двор, школа, торговля и дело, закрытые гильдии, группировки и секты имеют свои собственные лексиконы.

Миграции живых языков проливают нам достаточно света на свойства, которые разделяют с ними мёртвые языки, и на изменчивую *схему* всех языков вообще. Я часто встречал слово *Salamalec* в новейших французских литературных произведениях, не понимая его, пока случайно не прочитал в путевых заметках Арвьё¹³, что оно означает восточный поклон или падение ниц.

Сейчас я читаю историю *Османской империи* князя *Дмитрия Кантемира*¹⁴ и вчера нашёл сведения о шейхе *Мисри эфенди*, жившем в Бурсе при Ахмеде II и Мустафе II. Свежие воспоминания о них и удовольствие, полученное от знакомства с ними, побуждают меня закончить письмо упоминанием этого необычного человека, который, как говорят, был остроумным поэтом и тайным христианином. *Муфтий* не решился высказать суждение о его песнях, заявив: «Их значение и смысл неведомы никому, кроме *Аллаха* и *Мисри*». – Этот Муфтий велел также собрать его стихи, чтобы он смог изучить их. Он прочёл их – бросил их в огонь – и вынес такую фетву: «*Кто говорит и верит, как Мисри эфенди, тот должен быть сожжён – кроме самого Мисри эфенди; ибо о тех, кто преисполнен вдохновения, фетву выносить нельзя*»¹⁵.

¹¹ ««...Павел, многократно премудро обративший [всё] в послушание Христу и в меньшей степени [покоривший] внешних красноречием, – не той [речью], что изящна, красноречива и благозвучна, но той, что истинно [способна] обозначить и представить предмет...». *Фотий*, в ответах *Амфилохию*, которые Иоганн Кристоф Вольф приложил к последней части своих *Curis philologicis et criticis* о Новом Завете, с. 743.

¹² Прямая отсылка к Новому Завету (2 Кор. 10:4–5), где апостол Павел пишет о духовной войне: «Оружия воинствования нашего не плотские... пленяем всякое помышление в послушание Христу». Св. Павел говорит о сокрушении интеллектуальной гордыни и подчинении человеческого разума вере; Гаман метафорически называет это духовное служение Павла «рыцарством». Филологи-пуристы же пытаются представить апостола Павла эдаким «светским стилистом», который сознательно использовал риторические приемы и идиомы языческих ораторов, чтобы его текст выглядел изящно (прим. пер.).

¹³ Ссылка Гамана на популярную в XVIII в. этнографическую работу французского дипломата, путешественника и ориенталиста Лорана де Арвьё (1635–1702) (прим. пер.).

¹⁴ Кантемир, Дмитрий Константинович (1673–1723), господарь Молдавского княжества, Светлейший князь и сенатор Российской империи, член Берлинской академии, написал *Историю возвышения и упадка Османского двора* в 1714–1716 гг. на латинском языке (прим. пер.).

¹⁵ «Не стоит быть вдохновлённым, чтобы быть банальным», – говорит другой муфтий в своих *Замечаниях относительно „Мыслей“ Паскаля*. (Скандальная работа Вольтера *Sur les Pensées de M. Pascal* вышла в свет в 1734 г. – прим. пер.).

Как Вам нравится этот муфтий, ваше высокоблагородие? Не посрамляет ли он многих *римских пап* и *рецензентов*? – Думайте всё, что угодно, по поводу этой безбожной писанины – только не выносите фетву *Вашему и пр., и пр....*

Второе письмо.

1 марта 1760 г.

Ваше высокоблагородие!

Мне не жаль, что я последовал указанию Квинтилиана относительно Еврипида¹⁶. Это издание для меня вполне годится: оно менее затрудняет чтение и облегчает мой мысленный перевод. Поскольку я ищу лишь дух древних и мне важнее гений греческого языка, нежели его грамматика, то меня не касаются те менторские гримасы, которыми Гесснер и Эрнести¹⁷ портят своим слушателям впечатление от этих версий¹⁸. Я буду вполне доволен, если только освою свой греческий примерно так же, как передавшие Вам это письмо – свой родной язык – для телесного пропитания и удовлетворения нужды – скорее благодаря *influxum physicum* (физическому воздействию) моих *нянек-надзирательниц*, чем посредством *harmoniam praestabilitam* (заведомо установленной гармонии) учёных *Аристархов*.

Поскольку Вы, ваше высокоблагородие, являетесь величайшим покровителем моих занятий древнегреческим, и я ожидаю от Вашей благосклонности ещё большей помощи для моих будущих занятий на досуге, я считаю не своим *долгом*, а в качестве *итогов своего досуга* представить Вам отчёт о своих трудах, сообщая Вам кое-что об одном замысле, относительно которого никто лучше Вас не сможет наставить и поправить меня. Моё время ограничено – мои силы более рассчитаны на досуг, чем на дела. Поскольку к тому же я должен обходиться со своими склонностями, как Александр со своим *пугливым* Буцефалом, я не могу достаточно легкомысленно и быстро освоить столь устаревший язык, каковым древнегреческий стал отчасти даже среди учёных, и должен пользоваться всеми преимуществами, которые делают мой подённый труд лёгким и, вместе с тем, прибыльным – проводить одни лишь *диагонали* – действовать, исходя из противоположных или связанных друг с другом *принципов*, и превратить кратчайшую линию в *путь* к моей *цели*.

Вы знаете, ваше высокоблагородие, что я начал с *Гомера, Пиндара* и *поэтов Греции*. Относительно тех, кого мне ещё остаётся прочесть, я не хочу себя строго

¹⁶ Квинтилиан (*Institutio oratoria* X, 1, 67) полагал, что невзирая на дискуссии о том, кто более велик как поэт – Софокл или Еврипид, последний в любом случае гораздо ценнее для тех, кто выступает в суде (прим. пер.).

¹⁷ Гесснер, Иоганн Маттиас (1691-1761) – профессор классической филологии Лейпцигского университета. Эрнести, Иоганн Август (1707-1781) – профессор классической филологии Лейпцигского университета (прим. пер.).

¹⁸ Баттё описывает их как своего рода «непрерывный словарь, всегда открытый (для тех, кто отчасти понимает текст, но нуждается в некоторой помощи, чтобы понять его лучше) и предлагающий слово, которое требуется». – Ошибки большинства переводов ещё сильнее искажают большинство словарей; – или, как Поуп нащёптывает филологу: «И Гораций не страдает больше от неверных переводов остроумцев, чем критики – от столь же неверных цитат» (*Опыт о критике*).

ограничивать, но уточню их перечень со временем и в зависимости от обстоятельств.

Затем я намерен перейти к *философам*, среди которых лишь трое будут предметом моего внимания: Гиппократ – Аристотель – Платон. Их сочинения демонстрируют нам круг наук, где *гипотезы, системы и наблюдения* являются *альфой и омегой*. Платона и Аристотеля, по моему мнению, следует читать в *сопоставлении* как образцы *эkleктической* и *энциклопедической* философии. Здесь – те *Сцилла* и *Харибда*, которых нужно обогнуть так же умело, как этому научили Одиссея. Говорят, *Лейбниц* был недостаточно систематичен, а *Вольф*¹⁹ – недостаточно *эkleктичен*; однако проверка слишком часто опрокидывает суждения, основанные на внешних впечатлениях. *Аристотель* – образец в рисовании, Платон – в создании колорита. «Соседствуя с Солнцем, держит в уме подобный Меркурию Лейбниц *семь* мыслей сразу» – написано в «Сне на смертном ложе»²⁰. Сочинения Вольфа переполнены одними лишь *экзергазиями* и тавтологиями – больше, чем наши *литании*, – и «уши раздражают постоянные повторения, приятные Востоку и неприятные Европе, так что более разумные негодуют, а прочие дремлют», как столь же основательно, сколь и проникательно отмечает учёный издатель Лоута в предисловии к первой части лекций о священной иудейской поэзии²¹. – Однако Аристотель и Платон заслуживают того, чтобы каждого изучали по отдельности, поскольку в сочинениях первого, как я предполагаю, содержатся *обломки* греческой мудрости, а в сочинениях Платона – *военная добыча* египетской и пифагорейской мудрости²²; следовательно, оба источника богаче, чем труды *Лаэртция* и *Плутарха*.

После философов очередь должна дойти до *историков*. Требуется почти что *проницательность* и способность предвидения, чтобы читать *прошрое* как будущее. Как в школах начинают изучать Новый Завет с евангелиста Иоанна, так и историки считаются самыми *лёгкими* писателями. Но можно ли познать *прошрое*, если не понимаешь *настоящего*? – И кто возьмёт в толк *настоящее*, не зная *будущего*? Будущее определяет настоящее, а настоящее – прошлое, как *намерение* определяет свойства и способ употребления средств. – Мы, однако, уже привыкли к своего рода *гистерон-протерону* в нашем мышлении, которое мы, не замечая того, ежеминутно переворачиваем нашими действиями, подобно *картинам в глазах*²³. – *Поэзия* помогает нам понять настоящее *синтетическим* образом, а *философия* – *аналитическим*. В связи с историей мне вспоминается

¹⁹ Вольф, Кристиан фон (1679–1754) – немецкий учёный-энциклопедист, философ, юрист и математик (прим. пер.).

²⁰ Johann Heinrich Oest, *Der Traum. Des Siechbetts Zweiter Gesang. Gottes Vorsehung hat besondere Wege der Bekehrung, welche vom Anfange voller Anstösse, aber zuletzt eben, weise und gut sind* (Hamburg, Leipzig 1752) (прим. пер.).

²¹ Lowth Robert, *Lectures on the Sacred Poetry of the Hebrews* (1753) (прим. пер.).

²² Диалоги Платона – в особенности *Тимей* и *Критий* – нередко связывались с эзотерическими традициями египетской мудрости. Пифагор же оказал определённое влияние на взгляды Платона относительно математики, души и ряда других вопросов (прим. пер.).

²³ Гаман опирается на открытие физиологии Нового времени (описанное И. Кеплером и Р. Декартом): что линза человеческого глаза проецирует на сетчатку перевёрнутое изображение реального мира, но наш мозг автоматически и бессознательно «переворачивает» его обратно (прим. пер.).

один учёный, который ежедневно читает по одной странице *Большого этимологического словаря*²⁴ и запоминает из него три-четыре слова, чтобы слыть лучшим учёным-историком в своей округе; однако, чем менее учился сам, тем ловчее учить других. –

Я скорее счёл бы ключом к «познанию самого себя» *анатомию*, чем стал бы искать среди наших исторических скелетов *искусство жить и править*, как мне это пытались внушать в юности. Область истории всегда казалась мне по этой причине тем *широким* полем, которое было полно *костей* – и вот, посмотри! Они совершенно иссохли. Никто, кроме *пророка*, не может предсказать по этим костям, что на них нарастут *жилы и плоть* и что *кожа* покроет их. – Ещё нет в них *дыхания* – пока пророк не воззовет к *ветру* и слово Господне не произнесёт ветру. – Не думаете ли Вы, Ваше высокоблагородие, что меня могут радовать те шаги, которые я собираюсь предпринять, читая греческих историков, и что поэты и философы послужат мне *преамбулой*? –

Кому *история* (в силу её имени) даёт *научное знание*, философия – познание, поэзия – *вкус*, тот не только станет сам красноречивым, но и окажется довольно достойным древних ораторов. Они брали за основу *обстоятельства*, создавали *цепь умозаключений*, которые пробуждали в их слушателях *решимость и страсть*.

Ораторы превратились в *болтунов*; знатоки истории – в *полигисторов*; философы – в *софистов*; поэты – в *остроумцев*. Здесь для меня началась бы высшая школа Греции со всеми её четырьмя факультетами; одним лишь *мечтанием* стали бы тогда мои штудии – от *гостеприимного* Афиня до *петушиного крика* Лонгина «о возвышенном».

Взгляните, Ваше высокоблагородие, на мой длинный путь! – Вы, возможно, напомните мне слова одного малого *поэта*²⁵, чьи «беседы рыболовов» Вы читали: «Иди, упругой рукой толкни шар, / заблудший, но победоносный, к его желанной цели!».

Но весь этот план подобен пёстрой Ириде²⁶, он дитя *Солнца* и *туманов*, простирается от одного края моего горизонта до другого – услада глаз, для обладания которой мне не понадобятся ноги – возможно, столь же кратковременная, как тот *куст клещевины*, сын ночи, тень которого была столь благотворна для *Ионы*. –

Великий вопрос может сбить меня с пути – столь же важный для меня, сколь для мастера на все руки (М.А.²⁷) – *догмат о лучшем мире*, или для

²⁴ *Etymologicum magnum* (1150) (прим. пер.)

²⁵ *The Anglers. Eight Dialogues in verse* (London, 1758). «Пусть мне будут приятны сельские места и реки в орошаемых долинах, пусть люблю потоки и леса без славы...». Автором, как говорят, является священник, мистер Скотт. (Скотт, Томас (1705–1775) – английский поэт и диссентерский пастор – прим. пер.).

²⁶ «Привет тебе, многоцветная посланница, / Что никогда не прекословит супруге Юпитера! / Ты с шафранных крыльев на цветы мои / Сливаешь медвяную росу, освежающие ливни, / И с обеих сторон радужной дугой / Венчаешь мои лесистые уголья и мои холмы, / Как пышный шарф для моей земли» (Церера в «Буре» У. Шекспира). (Перевод Т. Щепкиной-Куперник – прим. пер.)

²⁷ Речь идёт о Г. В. Лейбнице. Сокращение М.А. может быть истолковано как латинский перевод используемого Гаманом в тексте слова «Tausendkünstler» – буквально «человек тысячи искусств»; это намёк на мнение Оста о

мальтийца среднего рода²⁸ – *естественное и международное право*. – Этот вопрос тесно связан с основанием всех изящных искусств. Без понимания его легче всего доказать правильность утвердительного или отрицательного ответа на него. Дело в том, что одни утверждают, что *древности* учат глупых мудрости. Другие, напротив, стремятся доказать, что *природа* даёт больше мудрости, чем древние. Кого читать и кому подражать? Где толкование, открывающее понимание того и другого? Возможно, *древние* соотносятся с *природой* так же, как *схолиасты* со своим автором. Кто изучает *древних*, не зная природы, тот читает *примечания без текста*, – и, изучив небольшой фрагмент издания Петрония в формате большого кварто, становится по меньшей мере кандидатом наук, который, быть может, едва ли хоть на волос лучше представляет себе, кто был *arbiter elegantiarum* («арбитром изящества») при римском императоре²⁹. Кто не ослеплён предубеждением, от тех и Гомера не скроют никакие покровы. Кто никогда не видел ясного дня, тому ни Дидим, ни Евстафий³⁰ никакими чудесами не помогут. Нам либо не хватает *принципов* для чтения древних, либо с нами при этом чтении происходит то же, что с нашим земляком, учившим общину петь: «Из *плоти дух* не возникнет, чего чаще всего требует *закон*³¹ [аналогии – И. Г. Г.]». Гнев лишает меня рассудительности, сударь, когда я думаю о том, как приходит в запустение столь *благородный дар Божий*, как науки, – расчленяется *сильными умами* в кофейнях, попирается ногами³² ленивых *монахов* на университетских *мессах* – и как это возможно, что молодые люди могут влюбиться в старую *фею* – учёность – беззубую и лысую – либо в лучшем случае со вставными зубами и накладными волосами. «Смертным опыт служит испытанием».

Я возвращаюсь к своему Еврипиду, от чтения которого ожидаю много пользы; но ещё большего удовольствия – от Софокла, чей *Аякс* мне известен понаслышке. Поскольку в нём персонаж Одиссея изображён в духе отца-Гомера, и он же играет свою роль в *Гекубе* Еврипида, сопоставление того, как оба поэта изображают эту главную фигуру мифологии, позволило мне пролить свет на их образ мышления³³. Еврипид, кажется, снизошёл до вкуса партера, льстит

Лейбнице в его поэме *Der Traum: Des Siechbetts Zweiter Gesang*: «Одна голова никогда не содержит мысли тысячи голов» (с. 5). В этом смысле буква «М» означает *mille* («тысяча») (прим. пер.).

²⁸ Гаман имеет виду К. Вольфа, автора трактатов по естественному праву (*Jus naturae*, 1740) и международному праву (*Jus gentium*, 1749). Он называет Вольфа мальтийцем «среднего рода», возможно, потому что, подобно мальтийским рыцарям, он не является ни полностью духовным, ни полностью светским лицом (прим. пер.).

²⁹ Петроний Арбитр при дворе Нерона (прим. пер.).

³⁰ Дидим, александрийский учёный I в. до н.э., подготовил комментарии и текстологические сведения, которые широко использовались схолиастами; Евстафий, византийский учёный XII в., составил комментарии, опираясь на древние схолии и другие труды. Оба они известны прежде всего своими трудами о поэзии Гомера (прим. пер.).

³¹ Имеется в виду Мартин Лютер. В теологии Лютера этот стих описывал трагедию ветхого, греховного человека («плоти»), от которого догмы Ветхого Завета требовали следовать букве Закона Божьего. Но без Духа это оборачивается лишь сухим, рабским, внешним принуждением (прим. пер.).

³² *Мф. 7:6*: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас».

³³ Для Гамана это сравнение – не просто сопоставительный литературоведческий анализ. Противопоставление Гомера и Еврипида для него символизирует столкновение эпохи живой веры (мифа) и эпохи сухого рационализма (Просвещения): «Отец-Гомер» для Гамана – это первобытный гений, поэт природы и духа, у которого разум и чувства слиты воедино. Одиссей в его поэмах – эталон эпического героя, человек «многоумный», хитрый, но при

господствующим предрассудкам толпы при описании своих персонажей и их моральных устоев; кроме того, он слишком часто впадает в декламацию. На всех этих достоинствах, вероятно, и основано благосклонное мнение Квинтилиана, рекомендовавшего его занимающим общественные должности и тем, кто имеет дело с народными массами. Будучи преподавателем красноречия, он имел ещё больше оснований хвалить этого поэта. Один только *Аякс*, однако, убеждает меня в том, что Софокл постиг природу человека, поэзии и особенно драматического искусства в более философском отношении.

Как Сервантес желал отвратить испанцев от романического своим *Дон Кихотом*, так полагают, что Гомер хотел открыть своим соотечественникам в *Одиссее* новый путь к славе и противопоставить мудрость заслугам, основанным на физических достоинствах. Софокл, по-видимому, осознал это намерение и постоянно помнил о нём. Образ Одиссея у него благороден, священен, таинственен – потому ненавистен и непонятен древнегреческой черни, которая склонна вслед за Еврипидом заклеить этого *мудрого* мужа как обманщика и мечтателя. Но я опасаясь, что читатель моего дифирамбического письма, как говорит *хитроумный Флакк*: «– погибнет при чтении».

От нелюбви к печатному я мщу *белой* бумаге, не думая о том, может ли читатель впустую потратить столько же свободного времени на это письмо, что и нижеподписавшийся. Препоручаю себя, Ваше высокоблагородие, Вашей благосклонной снисходительности, Ваш и проч.

*Третье письмо.
25 февраля 1760 г.*

Ваше высокоблагородие!

Вашему высокоблагородию возвращаю с живейшей признательностью присланное *Суждение о средствах, которыми пользуются для понимания вымершего древнееврейского языка*³⁴. Этот небольшой томик в восьмую долю, быть может, объёмнее, чем кварталы *Схультенса*³⁵ о древнееврейском языке.

Я однажды позволил себе высказать Вам *суждение вкуса* о сочинениях господина Михаэлиса. В настоящем сочинении особенно проявляются его сильные и слабые стороны. Поскольку он иногда ссылается на *дезабилье* своих часов чтения, автор умеет и в этом выставить себя в выгодном свете³⁶; а *эпизоды*

этом глубоко преданный своей цели, семье и богам. Еврипид же – представитель позднего, «просвещенного» греческого критицизма, близкий к софистам. Он рационализирует миф, делает его бытовым, политическим и психологическим. В трагедии Еврипида Одиссей выведен как прагматичный, жестокий и демагогичный политик, он глух к состраданию, оправдывает жестокость «государственной необходимостью» и волей толпы. Он превращается из эпического мудреца в циничного софиста (прим. пер.).

³⁴ Труд И.Д. Михаэлиса (Гёттинген, 1757 г.) (прим. пер.).

³⁵ Гаман подразумевает фундаментальный двухтомный труд Альберта Схультенса (1686-1750) *Origines Hebraeae* («Еврейские истоки», первый том вышел в 1724 г., второй – в 1738 г.), а также его академические грамматики древнееврейского языка (прим. пер.).

³⁶ Михаэлис несколько раз упоминает в книге о своих занятиях, на которых он читает лекции по Ветхому Завету, а Гаман описывает его как человека, ведущего эти занятия в непринужденной обстановке (*deshabillé*) (прим. пер.).

его будущего авторства весьма изящны, чтобы поддерживать *благоговение и веру* в его слушателях.

В Германии мало писателей, которые сделали столь много и ещё многое способны совершить, чьи труды можно принимать с благодарностью и чьих обещаний или их исполнения следует ожидать с нетерпением, – таких, как господин Михаэлис. Его обширные и глубокие познания редки; то же можно сказать и о даре их применения. Приятность и основательность! – которые я хотел бы назвать *популярными* и *убедительными*, чтобы отличить их от философских, ибо они более сообразуются с каноном моды или *большого мира* истовых читателей, чем с истинной и внутренней природой предметов.

При всех заслугах этого автора я нахожу некое *πρῶτον ψεῦδος* (изначальное заблуждение) в его самых ранних и новейших сочинениях, которые мне довелось читать, и оное в его оценке *ошибок*³⁷ в изучении древнееврейского языка бросилось мне в глаза сильнее, чем прежде. Оно столь тесно связано со всем его образом мышления, что мне столь же трудно указать на него пальцем, как когда-то на поле Изреельском нельзя было сказать: «*Это Иезавель*³⁸!» – Платоническая³⁹ мысль моего соседа (который, как Вы знаете, не пренебрегает *разогретой капустой*)⁴⁰ кажется мне не лишённой основания: сильнейшие истины, как и сильнейшие заблуждения, сходны с *монадами*.

Читатель, *ненавидящий* истину, может в этом суждении о средствах древнееврейского языка найти многое для своего успокоения и использовать их как точильный камень для своего несправедного оружия. Читатель, *ищущий* истину, может впасть в тревогу и ипохондрию. Тот же, кто *любит* истину и *обладает* ею, сможет читать этого автора с наибольшей пользой и рассудительностью.

³⁷ Значительная часть работы Михаэлиса посвящена неверным подходам к пониманию древнееврейского языка (особенно в отношении неправомерного использования этимологии и диалектов) (прим. пер.).

³⁸ 2 Цар. 9:37 («И будет труп Иезавели на участке Изреельском, как навоз на поле, так что никто не скажет: это Иезавель»). Откр. 2:20-23 («Но имею немного против тебя, потому что ты попускаешь жене Иезавели, называющей себя пророчицею, учить и вводить в заблуждение рабов Моих, любодействовать и есть идоложертвенное. Я дал ей время покаяться в любодейнии её, но она не покаялась. Вот, Я повергаю её на одр и любодействующих с нею в великую скорбь, если не покаются в делах своих. И детей её поражу смертью, и уразумеют все церкви, что Я есмь испытующий сердца и внутренности; и воздам каждому из вас по делам вашим»).

³⁹ «В самом деле, ведь никто, находясь в здравом уме, не стал бы гоняться за понятием ткацкого искусства ради самого этого искусства. Однако, думаю я, от большинства людей скрыто, что для облегчения познания некоторых вещей существуют некие чувственные подобию, которые совсем нетрудно выявить, когда кто-нибудь хочет человеку, интересующемуся их объяснением, без труда, хлопот и рассуждений дать ответ. Что же касается вещей самых высоких и чтимых, то для объяснения их людям не существует уподобления, с помощью которого кто-нибудь мог бы достаточно наполнить душу вопрошающего, применив это уподобление к какому-либо из соответствующих ощущений. Поэтому-то и надо в каждом упражнять способность давать объяснение и его воспринимать. Ибо бестелесное – величайшее и самое прекрасное – ясно обнаруживается лишь с помощью объяснения, и только него, и вот ради этого-то и было сказано все то, что сейчас говорилось. Упражняться же, чего бы это ни касалось, гораздо легче бывает в малых вещах, чем в большом» (Чужеземец в диалоге Платона *Политик*) (Перевод С.Я. Шейнман-Топштейн – прим. пер.).

⁴⁰ Речь идёт об Иммануиле Канте (1724-1804). Гаман обыгрывает известное латинское выражение «*Crambe repetita*» («Разогретая капуста – это смерть»), означающее унылое повторение старых, уже известных истин. Назвав идеи Канта «разогретой капустой», Гаман иронизирует, что Кант в своих лекциях и набросках использует старые философские концепции (Платона, Лейбница, Вольфа и др.), «разогревает» их заново и перерабатывает в рамках своих взглядов (прим. пер.).

Мне было весьма приятно, что проект моих летних занятий совпадает с указаниями столь великого наставника⁴¹. Если Бог даст мне годы для его осуществления, я, возможно, со временем достигну основательного понимания самих предметов.

Хотя я не знаю ни древнееврейского, ни арабского⁴², доказательства автора не являются для меня сплошь *китайской грамотой*, и я предполагаю, что у Вас, ваше высокоблагородие, столько же терпения, сколько у того старого генерала, который смог выслушать софиста, разглагольствующего о военном деле⁴³.

Поскольку я потратил лишь своё свободное время на просмотр этой книги, я не могу привести строгие формальные доказательства того, что сопоставление арабских диалектов, при всех предосторожностях, – столь же ненадёжное и обманчивое средство, сколь и те методы, неверное использование которых автор вскрыл столь основательно; так что достаточно лишь собрать его собственные замечания и правильно их расположить, чтобы возразить ему самому. – Следовательно, учитель, всегда действует наверняка, если не наделяет своих учеников чрезмерной мудростью; и в случае необходимости можно разработать для себя убедительную теорию об *обязанности людей говорить правду*, но исполнение этой обязанности не есть филологический дар.

Искусство обороняться делает наибольшую честь автору этого труда. Но что пользы от *самой неприступной* крепости, если внутри неё терпят голод и, то мысленно совершают паломничество в Рим⁴⁴, чтобы собирать рукописи, то вынуждены унижаться, ощипывая ради пропитания те голые перья, коими пишутся *шедевры*? Всё христианство, а не какая-то академия, и менее всего Кириаф-Сефер⁴⁵, может истолковать интерес учёного к арабскому языку как еретичество; но не следует перенимать нравы народа, язык которого любишь, и прикрывать мелкие государственные хитрости золотой фольгой языка либо пускать молодёжи и меценатам пыль в глаза, будто умеешь фехтовать, лишь потому, что знаешь, как парировать и наносить удары, как держать шпагу в руках и держаться самому.

Обрывки, которые приводит автор о *происхождении языков*, и его деление слов на *поэтические* и *произвольные* кажутся мне не более определёнными, чем идеи иероглифической системы⁴⁶. Посредствующее понятие между *salben* «мазать» и *messen* «мерить», *decken* «покрывать» и *tachen* «делать» и т. д. почти

⁴¹ Михаэлис рекомендовал изучать арабский язык в качестве подготовки к освоению древнееврейского (прим. пер.).

⁴² Это классическое для Гамана ироническое притворное смирение. Он прекрасно знал древние языки. Однако здесь он встаёт на позицию «простого, но разумного читателя», чтобы доказать, что крах логики просветителей виден даже читателю, не являющемуся филологом (прим. пер.).

⁴³ Исторический анекдот о встрече Ганнибала Барки и перипатетика Формиона в 195 г. до н.э., пересказанный Цицероном (прим. пер.).

⁴⁴ На с. 238 своей книги Михаэлис сравнивает скудность сирийской литературы в Германии с её широкой доступностью в Риме (прим. пер.).

⁴⁵ Намёк на Прусскую академию наук (прим. пер.).

⁴⁶ В разделах 19–21 своей книги Михаэлис отклоняется от темы и рассматривает вопрос о происхождении языка. Он выступает против иероглифической теории (согласно которой образ буквы непосредственно связан с её значением), но для обоснования своей позиции сначала проводит различие между «естественным» и «условным» значением слов (прим. пер.).

столь же хорошо придумано, сколь рассуждения Гуссе, выпадающие из контекста⁴⁷.

Необходимы более подробное исследование и объяснение этого диалекта⁴⁸, поскольку это — энтелехия всего сочинения. Сей судья искусства, однако,

⁴⁷ Жак Гуссе (1635–1704), автор *Lexicon linguae Hebraicae* и *Commentarii linguae Ebraicae*, стал объектом критики Михаэлиса в разделах 9 и 10 за свои околонучные попытки истолковать значение древнееврейских слов. Гуссе принципиально выступал против применения сравнительной филологии к древнееврейскому как священному языку (прим. пер.).

⁴⁸ Из следующих *основных строк*, написанных Схультенсом в *Originibus*, можно извлечь целые мотки проволоки: «Диалект есть *внешняя и случайная* вариация одного языка, которая не затрагивает его внутреннюю сущность, но сохраняет её основу целой и неповреждённой. - Эти *внешние* вариации, которые относятся к *истинному диалекту*, касаются:

I. *буквенных элементов, звуков и способов произношения.*

1. Источником этих различий является *состояние воздуха*, в котором живут люди. Если воздух более густой и грубый, усваиваются более резкие и суровые звуки; если же более тонкий и мягкий, то речь сама собой склоняется к некоторой утончённости, мягкости и лёгкости.
2. *Темперамент* самих людей, проявляющийся либо в более утончённой, либо в более грубой форме.
3. Гибкая подвижность *языка*, который чрезвычайно легко соскальзывает к замене букв, особенно соседних или образуемых одним и тем же органом, безо всякого намерения.
4. *Намерение, забота и старание*, посредством которых всё это уже сознательно вырабатывается и принимается как нечто более достойное, изящное или удобное.
5. *Ударение*, которое я могу назвать *королём всего произношения*; от его воли всё зависит настолько, что если *общественный обычай* какого-либо народа хоть немного изменит его постановку, то тотчас возникают *различные и чуждые друг другу языки*, хотя они происходят от одного порождения, из одних и тех же корней и связаны кровным родством.

II. *значений слов.*

1. Самое серьёзное расхождение возникает тогда, когда отсутствует согласие в собственном и первоначальном значении какого-либо слова.
2. Бывает, что слово, часто употребляемое в одном диалекте, в другом совершенно не встречается – либо первый ввёл новшество, либо второй позволил слову умереть.
3. Достаточно значительное различие создают *вторичные и метафорические* значения, обычно вырастающие из первичного. Часто случается, что именно в этих вторичных употреблениях между родственными диалектами возникают своего рода борьба и разлад. Так, *tristitia* «печаль» и *aegritudo* «скорбь» аттиков означают то, что у ионийцев – *laetitia exultans* «ликующая радость». (Нижнемецкое слово *grynen* или *greinen* имеет в разных провинциях прямо противоположные значения и подражает тем людям, о которых народная пословица говорит, что они «*смех и плач* носят в одном мешке», который, согласно анатомическому искусству, следует искать в *слёзном канале*. – Позвольте мне вставить здесь ещё одну мелочь. Я знаю одного человека, который является большим почитателем *иронии* и старается развивать свой вкус к этой фигуре совершенно особым образом – по арабскому словарю *Якобуса Голлуса*, ибо нигде не находит примеров иронии так часто, как в корнях этого языка. *Этимологию* этого явления можно, если не научным, то назидательным путём, вывести из первородного греха Измаила – *И. Г. Г.*) Иногда также в одном диалекте возникает *больше* вторичных значений, а в другом – *меньше*. Наконец, я обнаруживаю такие диалекты, которые настолько предались вторичным употреблениям, что первоначальные значения совершенно забылись, тогда как в другом они были тщательно сохранены и всегда были свежи в памяти.

III. *Относительно синтаксиса, способов выражения и всего строя речи.* - Обороты речи, по-разному задуманные и оформленные в том или ином диалекте, при *полном* сходстве корневого словарного *материала* создают невероятное различие в отношении общего строя речи, её формы и как бы *домашнего облика* диалектов.

Все языки имеют нечто *особенное, домашнее, собственное*, прежде всего в области *этимологий*, что невозможно перенести в другие языки с той же силой, достоинством, красотой и полнотой. Этот характер более всего, благодаря своей глубочайшей древности, проявляется в древнееврейском языке и его диалектах – халдейском, сирийском и арабском. -

Все языки в одном слове обладают лишь одним собственным и первоначальным значением. Это *первоначальное, главное и собственное* значение во всех языках употребляется *чрезвычайно редко*; напротив, господствуют значения метафорические и вторичные.

Ни один диалект не достаточен сам по себе для объяснения собственных этимологий; все нуждаются во взаимной помощи и взаимном освещении. Ни один язык нельзя знать по-настоящему в научном отношении, основательно

кажется, не может представить себе восточный диалект без арабского языка так же, как больной философ – душу без мысли о положении своего тела.

Судя по этой *оценке*, древнееврейский язык подобен апокалиптическому зверю, который *существовал*, и *нет* его, и *всё же он есть*. Судя по названию, *вымерший* – это раненый, смертельно раненый, остающийся таковым вплоть до той эпохи, когда вновь запоют: «Золото из Аравии, / Ладан и мирру из Савы / Привезла в церковь / Ослиная добродетель».

Можно ли ожидать от новейшего метода *оживления* вымершего древнееврейского языка чего-то большего, чем от замысла того странствующего рыцаря, который хотел собрать воедино рассеянные части народа, – покажет время.

Если же учение о древнееврейском языке постигнет судьба той женщины из Евангелия, которая выходила замуж за *семерых* братьев, но так и не родила наследника, то такое приключение дало бы в руки саддукеев нашего времени новую притчу против нашей религии. Но, невзирая на все искусственные приёмы, можно сказать и здесь: вы не знаете Писания и силы Божией, ни их *вдохновения*, ни толкования, которое не зависит от философских оснований.

Происхождение древнееврейского диалекта может быть таким же мёртвым, как *утроба* Сарры; самые чудотворные исследователи языка порой оказываются самыми бессильными экзегетами; самые строгие законодатели – *разрушителями* своих же скрижалей или *слепыми на один глаз* по вине своих детей.

У Паскаля⁴⁹ я нашёл одну мысль о языках и удивляюсь, что её ещё никто не обсуждал. Он считает возможным расшифровать все языки, поскольку они соотносятся друг с другом как скрытые письма. То, что обученный математике ум мог прийти к столь явно ложному заключению, легко понять, если не превращать слабость человеческого познания в банальность или убежище для своих софизмов. Из его тезиса, если я его правильно запомнил и понял, следует прямо противоположное.

P.S. Я перечитываю написанное и вижу, что довёл степень своей откровенности до дерзости. Сейчас так слабо мыслят или так прилично говорят, что приходится оскорблять, желая говорить правду или услышать её.

Ясность некоторых книг часто является обманом и недостатком и подвержена множеству злоупотреблений. Вольно́ писать тем, кто признаёт лишь механизм наук, им не нужно заботиться о читателях. Какой-нибудь Шталь⁵⁰ всегда останется тёмным автором, потому что он знает природу и постоянно

и глубоко, если не рассматривать их все вместе. Такой обзор раскрывается не в словарях, а в книгах; и кто не обращается к ним постоянно, тот никогда не достигнет живого и подлинного ощущения этих языков. В языках нет ничего более текучего и *обманчивого*, чем та искусственная отделка, которую создаёт ловкость ремесленника, а не сама *природа* и *происхождение*.

⁴⁹ Паскаль, Блез (1623-1662) – французский математик, механик, физик, литератор, философ и теолог, классик французской литературы (прим. пер.).

⁵⁰ См. суждения Лейбница о Штале в его собрании писем, изданном Кордгольтом, том I, письма 128, 193. (Мнение Г. В. Лейбница о выдающемся враче и химике Георге Эрнсте Штале (1659–1734) изложено в его *Epistolae ad diversos*, изданных Кристианом Кордгольтом в 1734–1742 гг. – прим. пер.).

наталкивается на места, столь же трудные для перевода, как оригинальные красоты в устах *тысячелетнего* или *гетерокосмического* поэта: «Встанем: для тех, кто поёт, бесполезен сумрак вечерний, / Где можжевельник вдвойне; плодам он не менее вреден. / Козоньки, к дому теперь, встал Геспер, – козоньки, к дому!»⁵¹

**Лакомства;
в гардеробную одного духовного лица в Оберланде**

«...там пурпур блестящий / пышным же ломам из кости слоновой служил драгоценным / Мягким покровом; а там в дорогой и блестящей посуде / Были остатки вчерашнего великолепного пира!» Гораций, *Сатиры*, кн. II, сатира 6.

Лаокоон

«"Тевкры, не верьте коню: обман в нём некий таится! / Чем бы он ни был, страшусь и дары приносящих данайцев". / Молвил он так и с силой копьё тяжёлое бросил / В бок огромный коня, в одетое деревом чрево. / Пика впилась, задрожав, и в утробе коня потрясенной / Гулом отдался удар, загудели полости глухо»⁵².

К автору

*«Лакомств для гостиных»
в первый день нового 1762 года*

К., 12/1 января 1762 г.

Сколь сильно я желаю, чтобы гостиные в этом году были украшены Вашими лакомствами, – столь же мало я опасаясь, что мои сладости осквернят Вашу сакристию; хотя суеверие и неверие – или, вернее, лицемерие, присущее им обоим, – возвели разделительную стену между духовным и светским сословиями, которая столь же препятствует покою христианства, сколь и превращению всего здания в святой храм Господень и в жилище Божие в духе.

Всякий сначала подаёт на стол доброе вино, а когда гости напьются, тогда вино похуже. Так устроен мир, таков и образ действий обыкновенных писателей. – Публичные же развлечения, в которых присутствует дух религии, сохраняют хорошее вино до конца и превращают безвкусную суету этой жизни в пир из тука, из мозгов, в пир из чистого вина без дрожжей, где чаша переполняется, и вождение поит нас не по капле, но потоком. – Евангельская истина, следовательно, не должна краснеть из-за того остракизма, которому подверглись приятность, соль и пряность её речений, изгнанные из обществ высокого вкуса; но остаётся истинным и то, что искуситель и обвинитель братьев наших, как во дни Иова, так и поныне появляется среди сынов Божиих, даже когда они поднимаются пред Господом на кафедру и к алтарю.

Я беру на себя смелость прокрасться к Вашему преподобию в гардеробную с новейшим философским романом под мышкой. Вам может быть известно, что

⁵¹ Вергилий, *Эклога* X.

⁵² Вергилий, *Энеида*, кн. II, ст. 48-53, перевод С.А. Ошера (прим. пер.).

на меня накатывает слабость Лафонтена⁵³ и что я часто едва удерживаюсь от того, чтобы не спросить каждого встречного, не читал ли он ту или иную старую или новую книгу, которая развеяла мою скуку. Настоящая, о которой я теперь хочу с Вами побеседовать, носит заглавие:

DE LA NATURE (О ПРИРОДЕ).

«[Сказано, что Аристотель] был писцом (секретарем) природы, обмакивающим калам в разум»

*Суда*⁵⁴

Амстердам, у Е. ван Харревельта, 1761, in-8°, 456 страниц.

К этому сочинению и будут относиться мои лакомства. Но я стану, вероятно, подражать бедной полевой мыши у Цервия⁵⁵ и дам публике повод спеть и о моём *гостеприимном хозяине*: Даже изюму и сала, обглоданный прежде, кусочек, / Думая в гостье, хоть разностью яств, победить отвращенье. / Гостья же, с гордостью, чуть прикасалась к кушанью зубом, / Между тем как хозяйка, всё лучшее ей уступивши, / Лёжа сама на соломе, лишь куколь с мякиной жевала⁵⁶.

Кто бы ни был автором упомянутой книги⁵⁷, в ней находится множество философских идей, добротность и новизну которых я не в состоянии проверить; очень ровный стиль зрелого, удачного, столь же скромного, сколь и хитрого выражения; много чувственного внимания, моральный вкус, метафизическое воображение, которое, однако, кажется мне крайне вялым. —

Все эти достоинства, взятые вместе в довольно учёной смеси, суть рекомендации, которым ни один критик не должен дать себя отпугнуть, чтобы отвергнуть систему автора как балет хромых гипотез; «...затем, что обед и без них обошелся б»⁵⁸.

Я решусь на краткое, занимательное извлечение из всего труда, который состоит из четырёх частей. Первая часть, важнейшая и наиболее разработанная, трактует о равновесии зла и добра в природе. — Следует представить себе её

⁵³ В одном раннем сочинении Расин, если я не ошибаюсь, излагает это обстоятельство: Лафонтен был так увлечён чтением одной из книг Библии, что с величайшей горячностью и простодушием спрашивал всех своих друзей, читали ли они её. Я думаю, что это был апокриф, а именно: *Книга Премудрости*. Благоразумного читателя я заранее предупреждаю, что от этих страниц не следует ожидать ни критической, ни философской точности. Разве они не предназначены для гардеробной (*Dresskammer*) одного духовного лица? Это провинциальное слово здесь означает сакристию. Благочестивая этимология сделала из него «утешительную комнату» (*Tröstkammer*). Однако истинное происхождение слова следует искать в английском языке, где *dress* означает как одевание, так и сервировку стола. Оба значения сочетаются с церковной службой диакона.

⁵⁴ Византийская энциклопедия (1100 г.), фрагмент *Suda*, A-3932 (прим. пер.).

⁵⁵ Цервий, меж тем, наш сосед, побасёнку расскажет нам кстати. / Если богатство Ареллия кто, например, превозносит, / Не слыхав о заботах его, он так начинает: / «Мышь деревенская раз городскую к себе пригласила / В бедную нору, — они старинными были друзьями». Гораций, *Сатиры*, кн. II, сатира 6 (прим. пер.).

⁵⁶ Там же (прим. пер.).

⁵⁷ J.B. Robinet (Жан-Батист-Рене Робине (1733-1820) — французский натуралист, его книга вышла анонимно в 1761 г. — прим. пер.).

⁵⁸ Гораций, *Наука поэзии*, стр. 375 (прим. пер.).

Творца как безымянного автора, чтобы с тем большим пониманием и вкусом истолковать эту книгу. Сей тезис положен в основание с немалыми благоразумием и искренностью; и, вероятно, ему остались бы более верными и продвинулись бы в своих исследованиях дальше, если бы теория познания добра и зла посреди природы не была до сего дня мышеловкой старого софиста⁵⁹, обольщающего весь мир, – и в то же время фруктом, к которому имеет склонность душа невинных лакомок.

Дети и те, кто ожидает, – их ангелы на земле, как и на небе, – верят, что всё хорошо; разумные же мужи, каких можно найти при дворе и в монашеской рясе, добавляли к этому преданию бесчисленные глоссы то в превосходной степени, то с иронией в зависимости от своих склонностей и намерений. Следовательно, вовсе не было противоестественным то, что какому-нибудь философу в эти последние времена пришло на ум: не находится ли добро со злом в природе в равновесии? Да, не должно ли оно –?

В ответ на этот вопрос, который должен был быть ничем иным, как непосредственным откровением некоего невидимого посредника между духом и скотом, разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились; – или, чтобы снизойти до народного языка фригийцев: – в ответ на эту достигнутую вопрошанием степень убеждения горой вздымаются доказательства *a priori* и *a posteriori*, как волосы пифийской прорицательницы, – и остроумие нового законодателя носится по всей природе со своим равновесием добра и зла (подобно тем охотничьим саням, которые громко свистят и звенят на льду, так что сердце смеётся); – «*Проливой каплей вина весь нарисует Пергам*»⁶⁰.

Не могу отрицать, что этот писатель кое-где обнаруживает больше, чем академическое знание о понятии добра и зла. Но то, что он разумеет под равновесием, столь восковое, что его можно повернуть куда угодно. – В одних местах это сумма стольких же положительных, скольких отрицательных величин = 0; в других он даёт понять, что одна-единственная утраченная выдумка природы нередко перечёркивает целые листы её собственной рукописи. Вычисление Томаса Брауна, которое он принимает⁶¹ вместо ответа, также, по-видимому, вредит его основному положению, если не предположить, что пять порций лжи уравнивают одну истину. Короче говоря: его *equilibrium* (равновесие) либо сводится к поверхностной игре слов, либо теряется в самом пространном буквальном толковании; *aut aliquis latet error* (или в этом кроется какой-то обман).

⁵⁹ То есть Сатаны, дьявола. Гаман называет его «софистом», потому что первое искушение в раю («нет, не умрёте... но будете как боги») было построено на чистой софистике – тонкой, лукавой подмене понятий и ложной логике. «Мышеловка» – это сам абстрактный человеческий разум, оторванный от веры, гордыня просветителей, уверенных, что они могут познать мир сами (прим. пер.).

⁶⁰ Овидий, *Героиды*, письмо I, строка 32, перевод С.А. Ошерова (прим. пер.).

⁶¹ См. примечание к стр. 142: «Моисей в истории времён до Потопа заставил людей говорить только шесть раз, и пять раз вложил им в уста ложь». Доказательства можно найти в сочинении Томаса Брауна о распространённых заблуждениях. (Речь идет о фундаментальном трактате английского философа и врача Т. Брауна (1605–1682) *Pseudodoxia Epidemica* («Лженаука суеверий, или Исследование многих популярных заблуждений и общепринятых истин»), опубликованном в 1646 г. – прим. пер.).

Одно из главных мест под рубрикой *Apologie du babil des femmes* (Апология женской болтовни) есть столь же существенный компонент этого произведения, как Песнь Песней – в каноне наших книг Завета; пусть некоторые романисты, хулители святого Анакреона и громовые сыны⁶² новейшей литературы думают об этом что хотят. – Здесь есть и небольшое примечание⁶³ о молодом человеке из *Новой Элоизы*, но оно парит в равновесии великодушия и лести, с каким *figulus figulum* (горшечник горшечника) и *aruspex aruspice* (астролог астролога) привыкли приветствовать друг друга.

Чтобы предупредить всякое отвратительное недоразумение, я вынужден здесь, досточтимый сударь, заметить, что этот новейший пророк природы, возможно, зарыл в своей системе столь тайный смысл, что ценность его понятна не всякому. Его формула равновесия, следовательно, будет столь же бесконечна для большинства читателей, сколь загадочной оставалась для схоластиков *medius terminus* (золотая середина), которую Аристотель использовал для объяснения добродетели. При этом условии я должен дать удовлетворение неизвестному автору, ибо иначе можно было бы учуять моё любопытство к этой лошадке-качалке, как Лаокоона⁶⁴ – к троянскому коню.

Чтобы Вы уж наверняка меня поняли, повторяю Вам, что в этой изящной постилле о природе Вы найдёте множество философских идей, которые способны претендовать и на более высокое, если избавить их от той субординации, которой автор ослабил их ради своей гипотезы. Чтобы ещё более подогреть Ваш интерес к этой книге, скажу, что Вы получите при её чтении удовольствие, созерцая, как на картине, изображающей Вулкана в кузне, природу,

⁶² Диоскуры – Кастор и Поллукс – «лучи братьев Елены – звёзд» (Гораций, *Оды*, кн. I, ода 3).

⁶³ Один дальний родственник «малого лакомки», автор модного фрагмента в полтора листа, соблазняет меня привести здесь длинный пассаж (возможно, без нужды в том); но будет ли оно, пожалуй, слишком длинно для читателей, любящих краткий стиль? Вот оно в натуральную величину! «Элоиза, Элоиза, изобретательная и откровенная потаскушка, – скольким девушкам ты внушишь желание завести ребёнка не от собственного мужа! О блистательный Жан-Жак! Прости моей темноте: где, чёрт возьми, твоё ангельское сердце выкопало такого де Вольмара? И почему, драматически описывая характер атеиста, ты до самого конца преподаёшь нам уроки атеизма? Как ты хочешь заставить нас полюбить все добродетели честного человека, запертые в душе пса? Твои примеры, беспрестанно противоречащие твоим принципам, действуют подобно шарлатану, который дуёт на правую руку, а левой – отравляет меня. Это уже скорее суждения, чем оскорбления. В конце концов, человек здравого смысла, который хоть немного начитан, не может не проклинать богохульства двух слишком виновных любовников, счастливых от начала до конца своего пути и получающих наказание за свои преступления: одна – лишь пару восхитительных пощёчин, другой – путешествия, где этот господин развлекается за счёт всего света. Панглос, чуть не умерший, заразившись от прелестей простой служанки; Кандид, которого у болгар высекли за поцелуй, данный Кунигунде, и который остался с деревянной ногой после того, как его изнасиловали в Персии, – сколь бы возмутительными ни были эти картины, всё же они представляют собой школу в сто раз менее нелепую и более чистую, чем все эти длинные раскаяния, столь философски сладострастные. Дикарь в четырёх льё от Парижа может сколько угодно мазать себе зад флёрдоранжевым кремом – он всё равно продемонстрирует зад дикаря. Стиль элегантно фальшивый и вымученный; рассуждения набожные, но нечестивые; ключья превосходной, но банальной морали; туманные идеи обо всех искусствах – всё это очаровало народ книжечеев. Но, чтобы изобразить прекрасную природу, нужны гений, собственная душа, дабы ротозей проникся уважением и восхищением. Пожмите руку, капрал софистов: несчастен тот, кто завидует вашей славе, коей только недоставало для торжества дурного вкуса». *Ни хвоста, ни головы, модное сочинение*, стр. 18–21. Издатель (Здесь Гаман приводит цитату на французском языке из анонимной рецензии немецкого писателя-просветителя и критика Томаса Аббта (1738-1766) – прим. пер.).

⁶⁴ «Который посмел копьём нечестивым / Тело коня поразить, заповедный дуб оскверняя» (Вергилий, *Энеида*, кн. II). (Перевод С. А. Ошерова – прим. пер.).

которая, подобно новой Пенелопе, с одинаковой верностью исполняет и нарушает обет своего тканья, так что женихи и сводники оказываются в конце концов посрамлены, а писатель столь же мало, как и его читатель, не может угадать ни малейшего из намерений этой мудрой женщины.

Вторая часть возвещает об однообразном порождении всех существ; содержит замечания о семенных животных и о *syntaxis figurata* (синтаксисе риторических фигур) Бюффона. Мнение о поле растений, организация каменного и рудного царства далее распространяется даже на стихии, соли и масла. – Всё размножается от песка морского до звёзд небесных, посредством зародышей (*germes*), ибо посредством червей этого не удалось бы сделать с таким же удобством. –

Третья часть старается объяснить моральный инстинкт точнее, чем Хатчесон⁶⁵, чтобы привести в надлежащее состояние *sensorium* (совокупность восприятия) семи струн для последнего⁶⁶, который представляет собой физику духов и (как положено по закону) изложен в ключе математического метода. Чтобы не возбуждать ревности моей лютни, которая уже много лет висит на ветвях прибрежных ив, я должен отказаться от тех колебаний, которые уж, конечно, не от скуки сотрясают *fibrae sensitivae, intellectuales et volitivae* (чувствительные, интеллектуальные и волевые волокна) в гармонической пропорции *ut : sol : mi* (до – соль – ми) или $1 \frac{1}{3} \frac{1}{5}$. Волокнам желания аккомпанируют мышечные волокна – так что к концу сочинения впадаешь в меланхолические размышления.

Позвольте мне перевести дух, преподобный! – Я должен для отдохновения вспомнить происшествие с одной парижской дамой, которая терпеть не могла любезнейшего спутника прусского Марса⁶⁷, потому что он был такого высокого роста, что из-за него Потсдам стал притчей во языцех. Бог любви вновь сотворил чудеса (хватит ли Вам совести запрещать поэтам⁶⁸ рассказывать о них своим потомкам?) и исполнил прихоть красавицы. Великан внезапно стал карликом, мало-помалу невидимым, а отвращение к его росту было осмеяно как причуда⁶⁹.

⁶⁵ Хатчесон, Фрэнсис (1694-1746) – выдающийся шотландский философ-просветитель, один из отцов-основателей теории «нравственного чувства» (*moral sense*). Утверждал, что у человека, помимо пяти обычных чувств, есть врождённое, автономное «нравственное чувство», которое автоматически и бескорыстно одобряет добро и отвергает зло, подобно тому, как глаз наслаждается красотой. Как материалист Робине хочет пойти дальше (быть «точнее») и заявляет, что этот моральный инстинкт – чистая физиология. Для него добродетель – это просто баланс органических сил, стремление живого существа к самосохранению и гармонии с окружающей средой (прим. пер.).

⁶⁶ Ироничная отсылка к метафоре из книги *De la Nature*. Робине уподоблял человеческие органы чувств и нервную систему струнному инструменту, утверждая, что человек изначально обладает пятью классическими физическими чувствами (пятью струнами), к которым он добавляет шестую – «нравственный инстинкт» Хатчесона и седьмую – некий высший «инстинкт познания» (прим. пер.).

⁶⁷ Очевидно, фаворита Фридриха II (прим. пер.).

⁶⁸ «Слишком велик ли он был?» *Приключения дамы*. Сочинение господина С***, Париж, 1761, с. 8.

⁶⁹ Парижская дама презирала прусского офицера за его «солдатские» огромный рост и манеры, но, влюбившись, она перестала замечать то, что её так раздражало. Общество высмеяло её прежнее рациональное отвращение как обычную дамскую причуду. Гаман показывает, что человеческое чувство, любовь и вера обладают способностью полностью менять реальность и ломать любую сухую логику. Стоит человеку пережить живой духовный опыт, как вся «великанская» материалистическая система Робине мгновенно сжимается, превращается в ничтожного «карлика» и становится невидимой (прим. пер.).

Не удалось ли и мне уменьшить почти пятисотстраничного философа любовным письмецом, длина коего не вызовет на Вашем лице удивлённого выражения, если только Вы способны на некоторое дружелюбие к безымянным преемникам?

Но самым безопасным для нас обоих будет всё же, если мы проявим столько, сколько возможно, благоговения к политической добродетели той великой богини, которая, как говорят, отпраздновала на пепле своего храма смерть одного философа и рождение одного завоевателя⁷⁰; – и, если ни в коем случае не сделаем себя при помощи *aliena cornua fronti addita*⁷¹ (приставленных ко лбу чужих рогов) неузнаваемыми для наших вернейших домашних – «Жизнь такая ничуть не по мне! ... / ... – наслаждайся одна, а я снова / На гору, в лес мой уйду – преспокойно глотать чечевицу!»⁷²

ЭСТЕТИКА В ОРЕХОВОЙ СКОРЛУПЕ (КРАТКОМ ИЗЛОЖЕНИИ)

Рапсодия в каббалистической прозе.

«Полученная в добычу разноцветная одежда, вышитая с обеих сторон, снятая с плеч пленника» (Суд. 5:30)

«Вот, утроба моя как вино нераспечатанное, оно готово прорваться, подобно новым мехам. Поговорю, и будет мне легче; открою уста мои и отвечу. Не буду лицеприятствовать ни к кому и ни к кому не буду льстить; ибо я не умею льстить: малость осталось, чтобы Творец мой не вознес меня» (Елиуй в Иов 32:19–22)

«Противна чернь мне, чуждая тайн моих, / Благоговейте молча: служитель муз – / Досель неслыханные песни / Девам и юношам я слагаю. / Цари внушают подданных стаду страх, / А бог Юпитер грозен самим царям: / Гигантов одолевший, всё он / В трепет движеньем бровей приводит» (Гораций, *Оды*, книга III, ода первая⁷³)

Не лиру! – не кисть! – дайте *лопату* моей Музе, чтобы расчистить гумно священной литературы⁷⁴! – Слава архангелу⁷⁵ над *реликвиями языка Ханаана*! – на *прекрасных ослицах*⁷⁶ побеждает он в *состязании*; – но мудрый невежда из

⁷⁰ Храм Артемиды в Эфесе, как говорят, впервые сгорел в тот день, когда Сократ умер от панацеи знаменитого венского врача Антона Штёрка, а во второй раз – в ночь рождения Александра Великого. См. введение Джорджа Бенсона к Первому посланию к Тимофею в первом томе его парафрастического изложения, а также комментарии, напечатанные в немецком переводе неким берлинским проповедником с предисловием придворного проповедника короля Пруссии – к излишнему приумножению многих сильных христиан и заслуженному раздражению некоторых слабых. (Джордж Бенсон (1699–1762) — английский теолог и пресвитерианский пастор, известный своими трудами по посланиям апостолов – прим. пер.).

⁷¹ Овидий об Актеоне в книге III его *Метаморфоз*.

⁷² Гораций, *Сатиры*, кн. II, сатира 6 (прим. пер.).

⁷³ Перевод Н.С. Гинцбурга (прим. пер.)

⁷⁴ Ср. *Мф. 3:12*: «лопата Его в руке Его, и Он очистит гумно Своё и соберёт пшеницу Свою в житницу, а солому сожжёт огнём неугасимым» (прим. пер.).

⁷⁵ Имеется в виду И. Д. Михаэлис (прим. пер.).

⁷⁶ Суд. 5:10: «Ездящие на ослицах белых, сидящие на коврах и ходящие по дороге, пойте песнь!».

Греции⁷⁷ нанимает гордых коней *Евтифрона*⁷⁸ для филологического словопрения.

Поэзия – *родной язык* рода человеческого, подобно тому, что *садоводство* древнее пашни; *живопись* – древнее письма; *пение* – древнее декламации; притчи – древнее умозаключений⁷⁹; обмен – древнее торговли. Более глубокий сон был покоем наших праотцев; а их движения – шатким танцем. *Семь дней* сидели они в молчании, размышляя или изумляясь, – и отверзли уста свои – для *крылатых* изречений.

Чувства и *страсти* не говорят и не понимают ничего, кроме образов. В *образах* состоит всё сокровище человеческого *познания* и *блаженства*. Первый порыв творения и первое *впечатление* его летописца; – первое *явление* и первое *наслаждение* природой соединяются в словах: «*Да будет свет!*». С этого начинается ощущение *присутствия* вещей⁸⁰.

Наконец, Бог увенчал чувственное проявление своего величия *шедевром* – человеком. Он сотворил человека в *божественном облике*; – по образу Божью сотворил он его. Это решение Творца разрешает самые запутанные узлы человеческой природы и её назначения. Слепые язычники признавали, что человека объединяет с Богом *нечто невидимое*. *Покрытая* фигура тела, *лик* головы и *оконечности рук* – вот зримая схема, в которой мы существуем; но всё это, собственно, не более чем *указующий перст скрытого* внутри нас человека. – «И каждый есть подобие Бога в малом образе»⁸¹.

Первая *пища* была из *царства растений*; *молоком древних* было вино; древнейшую поэзию её учёный *схолиаст*⁸² называет *ботанической*⁸³ (согласно притче об Иофаме и Иоасе⁸⁴); и даже первая *одежда* человека была рапсодией из *фиговых листьев*. –

⁷⁷ Гаман имеет в виду Сократа, а по сути – себя самого (прим. пер.).

⁷⁸ См. Платон, *Кратил*: «Гермоген: Да и то сказать, Сократ, ты стал вдруг изрекать пророчества совсем как одержимый. Сократ: Я по крайней мере убеждён, Гермоген, что эта мудрость снизошла на меня скорее всего от Евтифрона из Проспалт. Ведь с утра, заслушавшись его, я пробыл с ним довольно долго. Так что, боюсь, он в своей одержимости наполнил мне божественной мудростью не одни только уши, но захватил и душу. Я полагаю, нам нужно сделать так: сегодня уж мы позволим себе воспользоваться этой мудростью и рассмотрим, что нам осталось рассмотреть в связи с именами, а завтра, если и вы согласны, мы принесём за это искупительную жертву и совершим очищение, отыскав кого-нибудь, кто это горазд делать, среди жрецов или среди софистов... Предлагай что угодно другое, "пока не изведаетесь, каковы кони" Евтифрона». (Перевод Т. В. Васильевой – прим. пер.).

⁷⁹ «Как иероглифы древнее букв, так и притчи древнее рассуждений», – говорит Бэкон, мой Евтифрон.

⁸⁰ «ибо всё, делающееся явным, свет есть» (*Еф. 5:13*).

⁸¹ Манилий, *Астрономика*, книга IV.

⁸² И. Д. Михаэлис (прим. пер.).

⁸³ «...так как поэзия есть растение, которое выросло, словно из великолепной почвы, без определённого семени, выросло выше прочих учений и распространилось» (Ф. Бэкон, *De augmentis scientiarum*, кн. II, гл. 13). См. примечания г-на надворного советника Иоганна Давида Михаэлиса к Лоуту, *De sacra poesi Praelectiones Academicae*, стр. 100 (18).

⁸⁴ Суд. 9:2: «внушите всем жителям Сихемским: что лучше для вас, чтобы владели вами все семьдесят сынов Иеровааловых, или чтобы владел один? и вспомните, что я кость ваша и плоть ваша». 2 Пар. 25:18: «И послал Иоас, царь Израильский, к Амасии, царю Иудейскому, сказать: тёрн, который на Ливане, послал к кедр, который на Ливане же, сказать: «отдай дочь свою в жену сыну моему». Но прошли звери дикие, которые на Ливане, и истоптали этот тёрн».

Но Господь Бог сделал одежды из кож и одел их – наших прародителей, которых познание добра и зла научило стыду. – Если нужда является изобретательницей удобства и искусств, то есть основание вместе с *Гоге*⁸⁵ вдвойне удивляться тому, каким образом у народов Востока могла возникнуть мода одеваться – а именно в *звериные шкуры*. Осмелюсь ли я высказать предположение, которое кажется мне, по крайней мере, *остроумным*? – Я связываю происхождение этой одежды с тем *всеобщим постоянством характеров животных*, о котором Адаму стало известно благодаря общению с древним поэтом (коего на языке Ханаана называли *Аваддон*, а на древнегреческом – *Аполлион*) и которое побудило первого человека передавать потомству *наглядное познание прошедших и будущих* обстоятельств под позаимствованной им *шкурой*. –

«*Молви, чтобы я узрел тебя!*»⁸⁶ – Это желание исполнилось в творении, которое есть *речь Творца к твари* через *самой тварь*; ибо один день возвещает это другому, и одна *ночь* открывает сие другой. Их *весть* преодолевает любые климатические области, долетая до края света, и в каждом *нарекании* слышится их глас. – Но в чём бы ни заключалась вина (*будь она вне нас или в нас самих*), от природы нам для пользования остались лишь *стихи с перемешанными словами* и *разрозненные члены поэта*. Сбирать их – дело *учёного*; толковать – дело *философа*; подражать им⁸⁷ – или, скажем ещё смелее! – упорядочивать их – скромная доля *поэта*.

Говорить – значит *переводить* – с *языка ангельского* на *язык человеческий*; то есть переводить *мысли в слова, вещи – в имена, образы – в знаки*; кои могут быть *поэтическими* или *кириологическими*⁸⁸, *историческими* или *иероглифическими* – и *философскими* или *характерологическими*⁸⁹. Этот вид перевода (я имею в виду *речь*) больше, чем какой-либо другой, напоминает

⁸⁵ Гоге, Антуан-Ив (1716–1758) – французский историк и юрист. В своём труде *О происхождении законов, искусств и наук и их развитии у древних народов* (1758) выразил мнение, что обычай носить одежду не мог возникнуть в первую очередь из-за необходимости защищаться от холода, поскольку он издавна распространён и в странах с тёплым климатом (прим. пер.).

⁸⁶ Высказывание, приписываемое Сократу, приведено Эразмом Роттердамским в его *Apophthegmata*, т. III, с. 70 (прим. пер.).

⁸⁷ «Учись с обрезанным именем слагать стих; так ты станешь подражателем поэта Луцилия» (Авсоний, послание V).

⁸⁸ Для разъяснения можно посмотреть у Вахтера: *Naturae & Scripturae Concordia. Commentatio de literis ac numeris primaevis aliisque rebus memorabilibus cum ortu literarum coniunctis*. Лейпциг и Копенгаген, 1752, в первом разделе. (Вахтер, Иоганн Георг (1673–1757) – немецкий философ, историк и ориенталист – прим. пер.).

⁸⁹ Под этой последней разновидностью знаков следует понимать то, что пишет Петроний и что я вынужден привести в этой связи, даже если это станут рассматривать как сатиру на самого филолога и его современников: «Лишь недавно это надутое, пустое многоречие прокралось в Афины из Азии и, словно вредоносная звезда, наслало заразу, овладевшую умами молодёжи, стремящейся к возвышенному, и вот, когда подточены были законы красноречия, оно замерло и онемело. Кто из потомков достиг славы *Фукидида* [его называют *Пиндаром* среди историков – И. Г. Г.] или *Гиперида*? [того самого, который обнажил *грудь Фрины*, чтобы убедить судей в правоте своего дела – И. Г. Г.]. Даже стихи более не блещут здоровым румянцем: все они точно вскормлены одной и той же пищей; ни одно произведение не доживает до седых волос. *Живописи* суждена та же участь, после того как *наглость египтян* донельзя *упростила* это высокое искусство» (Перевод В. А. Амфитеатрова-Кадашева – прим. пер.). Сравни с этим глубокое пророчество, которое Сократ вкладывает в уста египетского царя Тамуса об изобретении Тевта, так что Федр восклицает: «Ты, Сократ, легко сочиняешь и египетские, и какие тебе угодно сказания» (Платон, *Федр*).

изнанку обоев. *And shews the stuff, but not the workman's skill*⁹⁰ (И демонстрирует ткань, но не мастерство ткача); или *солнечное затмение*, которое рассматривают в сосуде в отражении воды⁹¹.

Факел *Моисеев* освещает даже *умопостигаемый* мир, у которого также есть своё *небо* и своя *земля*. Поэтому Бэкон сравнивает науки с водами *над* и *под* сводом нашей туманной сферы. Те – *море стеклянное*, подобное *кристаллу*, смешанному с *огнём*; эти же – небольшие *облака*, поднимающиеся с *моря*, величиной с *ладонь человеческую*.

Но творение сцены мира относится к сотворению человека так же, как эпическая поэзия – к *драматической*. Первое было создано посредством *слова*; последнее – посредством *действия*. Сердце! Будь как тихое море! – *Слушай совет: «Сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему, и да владычествует он!»* – Смотри на деяние: *«И создал Господь Бог человека из праха земного»*. – Сравни совет и деяние; преклони колена пред могущественным *Глаголющим*⁹² вместе с псалмопевцем, пред *мнимым* Садовником⁹³ вместе с евангелисткой апостолов и пред свободным Горшечником⁹⁴ вместе с апостолом *эллинистических мудрецов* и *талмудических книжников*!

Иероглифический Адам⁹⁵ есть история всего *рода человеческого* в символическом круге: – образ Евы, первообраз *прекрасной природы* и *систематической экономики*, которая не начертана на челе согласно *методической святости*, но формируется внизу, в земле, и скрывается во *внутренностях* – в почках самих предметов.

*Виртуозы*⁹⁶ нынешнего *эона*, на которых Господь Бог насладился глубоким сном! Вы, немногие благородные, воспользуйтесь этим сном и постройте на одном *ребре* этого *Эндимиона* *новейшее издание* человеческой души, которое бард *полуночных песнопений*⁹⁷ увидел в своём *утреннем сне*⁹⁸ – но не вблизи. *Следующий* эон пробудится, как гигант после опьянения, чтобы обнять вашу

⁹⁰ Earl of Roscommon, *Poems*, London 1717, p. 9.

⁹¹ Первая метафора взята из *Эссе о переводе поэзии* графа Роскоммона и из *Писем* Хауэлла; оба, если я не ошибаюсь, заимствовали этот аллегорический образ у Сааведры; вторая – из одного из лучших еженедельников (*The Adventurer*). Но там они используются *ad illustrationem* – для *отделки сюртука*; здесь же – *ad involucrum* (в качестве рубашки на голое тело), как учит нас различать Муза Евтифрона.

⁹² Пс. 33:9: «Вкусите и увидите, как благ Господь! Блажен человек, который уповает на Него!».

⁹³ Иоан. 20:15–17: «Иисус говорит ей: жена! что ты плачешь? кого ищешь? Она, думая, что это садовник, говорит Ему: господин! если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его. Иисус говорит ей: Мария! Она, обратившись, говорит Ему: Раввун! – что значит: «Учитель!» Иисус говорит ей: не прикасайся ко Мне, ибо Я ещё не восшёл к Отцу Моему; а иди к братьям Моим и скажи им: «восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему».

⁹⁴ Рим. 9:21: «Не властен ли горшечник над глиною, чтобы из той же смеси сделать один сосуд для почётно́го употребления, а другой – для низкого?».

⁹⁵ По мнению Вахтера, жизнь Адама – это иероглиф, символ истории всего человеческого рода: сотворение, грехопадение, искупление (прим. пер.).

⁹⁶ Виртуоз, в понимании английского философа, писателя и политика Энтони Эшли-Купера графа Шефтсбери (1671–1713), – человек, обладающий всесторонним образованием в области искусства, науки и морали (прим. пер.).

⁹⁷ Young Edward, *Night Thoughts*, 1742/46.

⁹⁸ См. письмо Янга автору *Грандисона* об оригинальных произведениях.

Музу и воскликнуть ей в подтверждение: «*Вот это кость от кости моей и плоть от плоти моей!*»

Если эта рапсодия мимоходом попадётся на глаза какому-нибудь левиту новейшей литературы⁹⁹, то я знаю наперёд, что он *осенит себя крёстным знаменем*, как Святой Пётр¹⁰⁰ *перед большим полотнищем, привязанным за четыре угла, в котором ему при одном лишь взгляде открылись четвероногие животные Земли и дикие звери, и пресмыкающиеся, и птицы небесные*. – «*О нет, одержимый самарянин*¹⁰¹!» – так станет он бранить филолога в своём сердце, – «читателям ортодоксального вкуса не годятся ни простонародные выражения, ни нечистые блюда!» – *Impossibilissimum est, communia proprie dicere*. (Совершенно невозможно назвать низкое своими словами.) – Зри! Вот почему случается, что *автор*, чей вкус – всего *недельной* давности, но уже обрезан, ходит в пелёнки сплошь белыми собачьими фекалиями – во славу человеческой нужды! – Ставшее притчей во языцех уродство старого фригийца¹⁰² в действительности далеко не столь ослепительно, как эстетическая красота *младшего Эзона*¹⁰³. В этом году исполнилось то, о чём вещала *типичная ода* Горация к *Аристию*¹⁰⁴: певец *сладко улыбающейся Лалаги*¹⁰⁵, *поцелуй которой слаще её улыбки*, превратил в *щёголей* сабинских, апулийских и мавританских чудовищ. – Можно, конечно, быть человеком, не испытывая необходимости становиться автором. Но тот, кто требует от добрых друзей рассматривать *писателя и человека*¹⁰⁶ по отдельности, более склонен к поэтическим, чем к философским абстракциям. Поэтому не дерзайте погружаться в *метафизику изящных искусств*, не пройдя посвящения в *оргиях*¹⁰⁷ и *элевсинских мистериях*. Чувства же – это *Церера*, а страсти – *Вакх*, – древние воспитатели *прекрасной природы*. «*Вакх, снизойди, и с розжек твоих да склоняются грозди, / Ты же, Церера, обвей вязью колосьев чело*»!¹⁰⁸

Даже если бы эта рапсодия имела честь подвергнуться суждению какого-либо *учителя Израиля*, то пойдём ему навстречу в священной *просопопее*¹⁰⁹, которая в царстве мёртвых столь же желанна, как и в царстве живых, – *si NVX todo ponor in illis* (если возможно причислить меня как орех к ним [плодоносным деревьям])¹¹⁰:

⁹⁹ Гаман имеет в виду Моисея Мендельсона (1729-1786), философа, борца за политическое и социальное равенство евреев с христианами (прим. пер.).

¹⁰⁰ Деян. 10–11. Ева, по мнению Вахтера, является символом характерного или философского типа (прим. пер.).

¹⁰¹ Иными словами, сумасшедший еретик (прим. пер.).

¹⁰² Эзоп (прим. пер.).

¹⁰³ Г. Э. Лессинга (прим. пер.).

¹⁰⁴ Гораций, *Оды*, кн. I, ода 22.

¹⁰⁵ Намёк на юношеские стихи Лессинга и его бесшабашный образ жизни в Бреслау (прим. пер.).

¹⁰⁶ Имеется в виду Лессинг, вопрошавший в *Письмах о современной литературе*: «Какое нам дело до личной жизни писателя?» (с. 35).

¹⁰⁷ «Оргии не терпят ни Пентея, ни Орфея» (Ф. Бэкон, *De augmentis scientiarum*, кн. II, гл. XIII).

¹⁰⁸ Тибулл, *Элегии*, кн. II, эл. 1, перевод Л. Остроумова (прим. пер.).

¹⁰⁹ «Искусство персонификации открывает поле куда менее ограниченное и более плодотворное, чем древняя мифология» (Фонтенель, *О поэзии вообще*, т. VIII).

¹¹⁰ Псевдо-Овидий, *Орех* I:19. Отсылка Гамана к названию своей работы (прим. пер.).

Высоко- и благоучёнейший раввин!

«Вестник Священной Римской империи»¹¹¹, на щите герба коего написано в качестве девиза *Relata refero* (*передаю переданное*), внушил мне довольно сильное вожделение прочесть последнюю половину гомилий *О священной поэзии*¹¹². Я горю желанием – и напрасно жду до сего дня, как мать Сисары, военачальника из Асора, выглядывала в окно, не едет ли колесница сына, и рыдала сквозь решётку. – Не ставьте же мне в вину, если я, подобно призраку в *Гамлете*, говорю с Вами знаками, пока не будет у меня более удобного времени объясниться *sermone fideles* (истинными речами)¹¹³. Поверите ли вы без доказательства, что *Мир чувственных вещей в картинках* знаменитого сторонника церковных реформ, школьного учителя и филолога *Амоса Коменского*¹¹⁴ и *Упражнения Муцелиуса*¹¹⁵ – слишком мудрёные книги для детей, которые ещё только учатся читать по слогам? – Воистину, воистину: мы должны быть как *дети*, если хотим принять *дух истины*, которого мир не может охватить, ибо не видит его и (даже если бы увидел) не познает его. – Простите *глупости* моего стиля, который столь же мало сочетается с *математическим* первородным грехом Ваших ранних сочинений, сколь и с *остроумным* возрождением Ваших новейших трудов, если я позаимствую пример из *азбуки*, которая, без сомнения,

¹¹¹ Газета «Ordentliche Wöchentliche Kayserliche Reichs-Postzeitung» (прим. пер.).

¹¹² *De sacra poesi Hebraeorum* («О священной поэзии евреев») Роберта Лоута, сопровождаемое примечаниями и дополнениями (notae et epimetra) И. Д. Михаэлиса, было выпущено в Гёттингене издательством Dieterich в 1761 г. (прим. пер.).

¹¹³ *Иоан. 3:11*. – *Грубейшему* невежеству, которому скорее всего могло бы прийти в голову обозвать *хорошим* или *дурным* настоящее *подражание каббалистическому* стилю, хотелось бы противопоставить следующее место: «В способе толкования существуют две крайности. Одна из них предполагает в Священном Писании такое совершенство, будто и всю философию следует черпать исключительно из его источников, как если бы всякая иная философия была чем-то мирским и языческим. Эта крайность была особенно распространена в школе Парацельса, а также у других мыслителей; начало же её восходит к раввинам и каббалистам. Однако подобные люди не достигают того, чего хотят: ибо они не оказывают Писанию чести, как им это кажется, а скорее унижают и оскорбляют его. Ибо подобно тому, как искать *богословие* в философии – всё равно, что *искать живых среди мёртвых*, так и искать философию в богословии – не что иное, как искать *мёртвых среди живых*. Другой же способ толкования (который мы также считаем *крайностью*) на *первый взгляд* кажется умеренным и чистым; однако и он бесчестит само Писание и причиняет Церкви величайший вред. Он состоит, коротко говоря, в том, что *Богодухновенное Писание объясняется* тем же способом, что и человеческие сочинения. Следует, однако, помнить, что Богу – Автору Писания – открыты две вещи, скрытые от человеческого разума: *воистину тайны сердца и последовательность времён*. – Поскольку изречения Писания таковы, что они обращены к сердцу и охватывают *перемены всех веков* – благодаря вечному и несомненному предвидению всех ересей, противоречий и различных изменчивых состояний Церкви, как в целом, так и в каждом случае в отдельности, их следует толковать не только по широте и очевидному смыслу места; не только с учётом повода, по которому эти слова были произнесены; не только, строго исходя из контекста предшествующих и последующих слов; не только, рассматривая главную цель высказывания; но так, чтобы понимать: они заключают в себе не только в общем или *совокупно*, но и *распределённо* – в отдельных фразах и даже словах – бесчисленные ручьи и жилы учения для орошения всех *отдельных* частей Церкви и душ верующих. Справедливо замечено, что *ответы нашего Спасителя* на многие вопросы, если судить по самим вопросам, кажутся не относящимися к делу и почти неуместными. Причина этого двояка. *Во-первых*, потому что Он познавал мысли спрашивающих *не по словам*, как это делают люди, а непосредственно и *сами по себе*; поэтому отвечал не на слова, а на их мысли. *Во-вторых*, потому что Он говорил не только тем, кто тогда присутствовал, но и нам, ныне живущим, и *людям всякого времени и места*, которым будет проповедано *Евангелие*. То же относится и к другим местам в Писании» (Ф. Бэкон, *De Augmentis Scientiarum*, книга IX).

¹¹⁴ См. собрание писем Лейбница у Кортхольта, т. 3, письмо 29. (Коменский, Ян Амос (1592-1670), чешский педагог, автор книги *Orbis pictus sensualium* (1657) – прим. пер.).

¹¹⁵ Муцелиус, Иоганн Фридрих (1684-1753) – немецкий филолог, автор школьных учебников (прим. пер.).

старше Библии. Теряют ли элементы А, В, С своё естественное значение, когда они напоминают нам в бесконечном сочетании произвольных знаков *идеи*, присутствующие, если не на небе, то по крайней мере *в мозге*? – Но, если всю *заслуженную праведность* книжника воздвигают на *трупе* буквы, что скажет об этом *дух*? Должен ли он быть не более чем *камердинером мёртвой* буквы или даже простым оруженосцем убивающей буквы¹¹⁶? Ни в коем случае! – Согласно Вашему обширному знанию физических явлений¹¹⁷ Вы лучше, чем я мог бы Вам напомнить, знаете, что ветер веет там, где ему угодно. – Хотя его шум и слышат, однако по переменчивому *флюгеру* можно судить не столько о том, откуда он дует, сколько, скорее, о том, *куда* он направляется». – «О недостойное злодеяние! Уничтожить свиток драгоценный? / Пусть лучше свергнут почтенную власть законов. / Вакх и благодатная Церера, придите на помощь!¹¹⁸»

Мнения философов суть *варианты прочтения природы*, а положения богословов – *варианты прочтения Писания*. Автор – лучший истолкователь своих слов; Он может говорить посредством *творений*, посредством *событий* – или посредством *крови, и огня, и курения дыма*¹¹⁹, в чём и состоит *язык святилища*.

Книга творения содержит *примеры* общих понятий, которые Бог через *тварь* открыл *твари*; *книги Завета* содержат *примеры* тайных статей, которые Бог через *человека* захотел открыть *человеку*. *Единство* Автора отражается во

¹¹⁶ 2 Кор. 3:6: «Он дал нам способность быть служителями Нового Завета, не буквы, но духа, потому что буква убивает, а дух животворит» (прим. пер.).

¹¹⁷ Намёк на то, что Михаэлис в своём библейском толковании уделяет особое внимание географическим и климатическим факторам (прим. пер.).

¹¹⁸ См. поэтический *эдикт* императора *Августа*, которым якобы была отменена *последняя воля* Вергилия об уничтожении *Энеиды*. – Можно обеими руками согласиться с тем, что *Джордж Бенсон* скорее *наспех собрал*, чем действительно разработал материалы о *единстве разума*, мало *размышляя, выбирая и вдохновляясь*. Если бы он пожелал сообщить нам несколько *земных* положений о *единстве прочтения*, то основательность его стала бы для нас ощутимее. – Невозможно без весьма *двумысленной улыбки* пройти по четырём томам этого парафрастического толкования и не заметить многочисленных мест, где доктор Бенсон, имея в собственном глазу целое *бревно* папизма, ревностно обрушивается на соринки римской церкви – и подражает нашим придворным советникам-теологам, которые шумно рукоплещут всякой *поспешной слепой выдумке*, благодаря которой *тварь* почитается более Творца. – Прежде всего следовало бы спросить доктора Бенсона: разве *единство* рассудка как из-за французского парафраста вроде Антуана Удара де ла Мотта, так и из-за глубокомысленного догматика вроде *Сэмюэля Кларка*. – Буквальный или *грамматический*, плотский или диалектический, капернауумский или *исторический* смысл в высшей степени *мистичны* и зависят от таких *мгновенных, духовных, произвольных* побочных определений и обстоятельств, что без *восхождения на небо* невозможно добыть *ключи* к их *познанию*; и не следует страшиться ни *морского путешествия*, ни странствий по *областям тех теней*, которые со вчерашнего или позавчерашнего дня, вот уже сто или тысячу лет – о, как таинственно! – *веровали, говорили, страдали*, и о которых *всемирная история* сообщает нам едва ли больше, чем помещается на самом узком *надгробном камне* или чем способна сразу запомнить *Эхо*, нимфа с *лаконичной* памятью. – Поистине, обладателем *ключей* от *неба* и *ада* должен быть тот, кто хочет доверить нам замыслы, которые *мыслящие* писатели выковывают в *критические* моменты ради *обращения* своих неверующих братьев. – Поскольку Моисей полагает, что *жизнь* течёт в *крови*, то всех *крещёных* раввинов ужасают *дух* и *жизнь* пророков, благодаря чему *словесный смысл*, как единственный сын, приносится в притче в жертву, а *потоки* восточной мудрости превращаются в *кровь*. – Применение этих *удушенных* мыслей годится не для всякого избалованного желудка. *Абстрактное* соответствует *сокровенным началам*; *конкретное* – *зрелости*, согласно *Гномону* Иоганна Альбрехта Бенгеля – «скорее большому пальцу, чем указующему персту». (Бенгель, Иоганн Альбрехт (1687-1752) – немецкий лютеранский библеист и теолог, основоположник текстологии Нового Завета – прим. пер.)

¹¹⁹ Деян. 2:19: «И покажу чудеса на небе вверху и знамения на земле внизу, *кровь* и *огонь* и *курение дыма*».

всём вплоть до самого *наречия* его произведений; – во всех – Один *тон* неизмеримой высоты и глубины! *Доказательство* прекраснейшего величия и полнейшего самоопустошения! *Чудо* такого бесконечного *покоя*, который делает Бога подобным пустоте, что нужно либо, *по совести*, отрицать его бытие, либо быть *скотом*¹²⁰; но, вместе с тем, и такого *бесконечного* могущества, которое наполняет *всё* во всём, что не знаешь, как *спастись* от его *сокровеннейшего* воздействия.

Если дело касается вкуса *благочестия*, который заключается в философском *духе* и поэтической *истине*, и *государственной мудрости*¹²¹ *стихосложения*, то можно ли привести свидетеля достовернее *бессмертного* Вольтера, который почти что объявляет *религию* *краеугольным камнем* эпической поэзии и ни о чём не скорбит более, чем о том, что его религия¹²² противоположна мифологии?

Бэкон представляет себе мифологию крылатым сыном *Эола*, у которого за спиной *Солнце*, а *облака* служат подножием, и который от скуки насвистывает на *греческой флейте*¹²³; но Вольтер, первосвященник в *храме вкуса*¹²⁴, судит столь же логично, сколь *Каиафа*¹²⁵, и мыслит плодотворнее *Ирода*¹²⁶. Дело вот в чём: если наша теология не так ценна, как мифология, то для нас совершенно невозможно достигнуть уровня языческой поэзии, не говоря уже о том, чтобы превзойти её, как это лучше всего соответствовало бы нашему *долгу* и *тщеславию*. Но если и наша *поэзия* *ничего* не стоит, то наша *история* будет выглядеть ещё более тощей, чем *фараоновы коровы*; впрочем, *сказки о феях* и *придворные газеты* восполняют этот недостаток наших историков. О *философии* вовсе не стоит и думать; зато систематических календарей¹²⁷ – больше, чем паутины в заброшенном замке. Каждый бездельник, который с превеликим

¹²⁰ Пс. 72:21–22: «Когда кипело сердце моё и терзалась внутренность моя, тогда я был невежда и не разумел; как скот был я пред Тобою».

¹²¹ «Единственная *политика* в поэме должна состоять в том, чтобы писать *хорошие стихи*», – говорит господин Вольтер в своём *исповедании веры* об эпосе.

¹²² Что именно господин Вольтер понимает под *религией* – о том спорят грамматик, и дело всё ещё находится на *рассмотрении*. Об этом ни филологу, ни его читателям заботиться не следует. Будем ли мы считать этим *вольности галликанской церкви* или *серный порошок очищенного натурализма* – оба объяснения не нанесут вреда единству разума.

¹²³ «Мифологические сказания кажутся чем-то вроде *лёгкого ветерка*, который из *преданий* более древних народов попал в свирели греков» Бэкон, *De augmentis scientiarum*, кн. II, гл. XIII.

¹²⁴ Намёк на книгу выдающегося французского писателя и философа Вольтера (1694–1778) *Le Temple du goût* (1733) (прим. пер.).

¹²⁵ «Есть ли у человека суждение или нет, он одинаково получает пользу от ваших сочинений: ему нужна только память», – бросает господину Вольтеру в лицо некий писатель, *в чьих устах звучит пророчество*. – И ещё: «А не следовало бы рапсоду быть забывчивым» (Сократ в платоновском *Ионе*).

¹²⁶ Фотий (в *Амфилохиях*, вопрос СХХ, который Иоганн Кристоф Вольф присоединил к своему *рогу изобилия* филологических и критических причуд) ищет в обращении Ирода к волхвам «*чтобы и я пришёл поклониться Ему*» пророчество, сравнивает его с изречением *Каиафы* (Иоан. 11:49–52) и замечает: «Можно было бы увидеть нечто подобное и в других словах, произнесённых со злодейским намерением и кровожадным устремлением, но ставших исполненным пророчеством». Фотий мыслит Ирода как *двуликого Януса*, который по происхождению представлял *язычников*, а по *титulu* – *иудеев*. – Очень многие язвительные и бесполезные выдумки (которыми хвалятся *господа и слуги*) предстали бы пред нами в совсем ином свете, если бы мы иногда вспоминали: говорят ли они *о себе самих* или их слова следует воспринимать как *пророчества*?

¹²⁷ Составители календарей считались шарлатанами и мошенниками (прим. пер.).

трудом понимает *кухонную латынь* и *швейцарский немецкий*, но имя которого отмечено *целым числом М* или *половиной числа академического животного*¹²⁸, *демонстрирует* лживые взгляды, так что скамьи и сидящие на них *чурбаны* должны были бы кричать «Караул! Грабёж!», если бы у первых были уши, а вторые умели бы *слушать* своими ушами, хотя язвительные насмешники и называют их *слушателями*. «Где плеть Евтифрона, пугливый конь? / Чтобы моя повозка не застряла...».

Да шут с ней, с мифологией!¹²⁹ Поэзия есть подражание прекрасной природе, – и неужели откровения *Ньевентита*¹³⁰, *Ньютона* и *Бюффона* могли бы вполне заменить нелепое баснословие? – Конечно, *должны были бы* и заменили бы, если бы только могли. Почему же этого не происходит? – Потому что это *невозможно*, говорят ваши поэты.

Природа действует посредством чувств и страстей. Кто калечит её орудия, как сможет тот чувствовать? Способны ли и парализованные *струны* к движению? –

Ваша *смертоносно-лживая* философия убрала природу с дороги, почему же вы требуете, чтобы мы ей *подражали*? – Для того, чтобы снова иметь удовольствие стать убийцами и учеников природы тоже.

Да, вы, тонкие судьи искусства! Всё спрашиваете, что есть *истина*, и хватаетесь за дверь, потому что не можете дождаться ответа на этот вопрос. – Ваши руки всегда *умыты* – собираетесь ли вы есть *хлеб* или уже вынесли кровавые приговоры. – Не спрашиваете ли вы также, *чем именно* убрали вы природу с пути? – Бэкон обвиняет вас в том, что вы издеваетесь над ней своими *абстракциями*. Если Бэкон свидетельствует истину, – ну что ж! – бросайте в его *тень камни* и швыряйте в неё *комья земли* или *снежки*.

Если *одна только* истина царствует подобно солнцу, – это *день*. Если же вместо этой одной вы видите их столько, сколько песка на берегу моря, – а затем ещё и *малое светило*¹³¹, которое превосходит всё это *солнечное войско* своим блеском¹³², – это *ночь*, в которую влюбляются *стихотворцы* и *тати*. – *Стихотворец*¹³³ в начале дней тот же *тать*¹³⁴ в конце дней. –

Все краски прекраснейшего мира поблекнут, как только вы погасите тот свет, *первородное* творение. Если *чрево* – ваш бог, то даже волосы на вашей голове находятся под его *опекой*. Каждое создание становится попеременно

¹²⁸ Гаман имеет в виду сокращение М, используемое одновременно для числа 1000 и для степени магистра, а D – для числа 500 и степени доктора наук (прим. пер.).

¹²⁹ Фонтенель, *О поэзии вообще*: «Когда научатся употреблять басенные образы по-новому, они, несомненно, произведут огромное впечатление».

¹³⁰ Ньевентит, Бернар (1654-1718) – голландский врач, математик, религиозный философ, автор трактата *Существование Бога, доказанное чудесами природы* (1715) (прим. пер.).

¹³¹ «...и похищенным...светом...» (Катулл, *Вторая песнь к Диане*).

¹³² «...среди них сверкает Юлиев звезда, как в светилах меньших Месяц сияет» (Гораций, *Оды*, кн. I, ода XII) (перевод Н.С. Гинцбурга – прим. пер.).

¹³³ 2 Кор. 4:6: «потому что Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, озарил наши сердца, дабы просветить нас познанием славы Божией в лице Иисуса Христа».

¹³⁴ Откр. 16:15: «Се, иду как тать: блажен бодрствующий и хранящий одежду свою, чтобы не ходить ему нагим и чтобы не увидели срамоты его».

вашим жертвоприношением и вашим идолом. – *Против своей воли*, – но в надежде¹³⁵, – покорённое, оно *стенает под гнётом службы* вам или от суеты; делает всё возможное, чтобы ускользнуть от вашей *тирании*, и даже в самых пламенных объятиях тоскует о той свободе, с которой твари воздавали честь Адаму, когда Бог привёл их к человеку, чтобы увидеть, как он назовёт их; ибо как человек назовёт их, так они и будут называться.

Эта аналогия человека с Творцом придаёт всем тварям их *содержание* и их *особость*, от которых зависят *верность* и *вера* во всей *природе*. Чем живее эта идея, образ и подобие невидимого Бога¹³⁶, в нашем сознании, тем мы способнее *видеть и вкушать, созерцать и осязать* Его *человеколюбие* в творениях. Всякое впечатление природы в человеке – не только воспоминание, но и *залог* основной истины: *кто есть Господь*. Всякое противодействие человека твари есть *грамота и печать* нашего участия в *Божественной природе*¹³⁷ и того, что мы *род Его*¹³⁸.

О муза, подобная огню золотых дел мастера и мылу прачей¹³⁹! – Она осмелится очистить *естественное употребление чувств от неестественного употребления абстракций*¹⁴⁰, которыми столь же *калечат* наши *понятия о вещах*, сколь *подавляют* и *хулят* имя Творца. Я говорю это вам, *греки*! Потому что вы считаете себя мудрее *камергеров с гностическим ключом*¹⁴¹; попробуйте-ка прочесть *Илиаду*, прежде удалив из неё при помощи абстракции две гласных – альфу и омегу, и скажите мне ваше мнение о *разуме и благозвучии* этого поэта: *Μηνὶν εἶδε Θες πληνι δε χιλλος!* (*Гнев, б..гиня, в..сп..й, ...хиллес..., Пелеев... сын...!*)

Зрите! Великая и малая *масора*¹⁴² философии затопила текст природы, подобно Всемирному потоку. Не должны были бы *утонуть* все её *красоты* и *богатства*? – Но вы творите куда большие чудеса, чем те, которыми когда-либо

¹³⁵ Рим. 8:20 (прим. пер.).

¹³⁶ «...образ Бога невидимого» (Кол. 1:15.).

¹³⁷ «...причастники божественного естества» (2 Пет. 1:4). «...подобными образу Сына Своего» (Рим. 8:29).

¹³⁸ Деян. 17:27: «дабы они искали Бога, не ощутят ли Его и не найдут ли, хотя Он и недалеко от каждого из нас» и сл.

¹³⁹ Мал. 3:2: «И кто выдержит день пришествия Его, и кто устоит, когда Он явится? Ибо Он – как огонь расплавляющий и как щёлок очищающий».

¹⁴⁰ Бэкон, *De interpretatione Naturae et regno Hominis*, афоризм CXXIV: «Мы решительно повелеваем разрушить негодные модели миров и своего рода обезьяньи подражания, которые человеческое воображение воздвигло в философиях. Пусть люди знают, как велико различие между *идолами* человеческого ума и *идеями* божественного ума. Идолы человеческого ума – ничто иное, как *произвольные абстракции*; идеи божественного ума – *истинные знаки Творца на творениях*, как они запечатлеваются и определяются в материи *по истинным и тонким линиям*. Поэтому сами *вещи* суть *истина* и *польза*; и сами *дела* следует ценить не только ради удобств жизни [не ради брюха – И. Г. Г.], но и как *залог истины*». В другом месте он повторяет это напоминание: всеми произведениями природы следует пользоваться не только как *beneficia vitae* – «благами жизни», но и как *veritatis pignora* – «залогами истины».

¹⁴¹ Гаман намекает на Вольтера, бывшего камергером Фридриха Великого, и сравнивает здесь античный гнозис с рационалистической философией, отмечая в обеих теориях отказ от простой веры и привязанности к телесному существованию человека при одновременном распутстве (прим. пер.).

¹⁴² Свод правил и указаний по сохранению в неизменном виде канонического текста Ветхого Завета и правил его оформления (прим. пер.).

забавлялись боги¹⁴³, пытаясь дубами¹⁴⁴ и соляными столпами, окаменелыми и алхимическими превращениями и баснями убедить род человеческий. – Вы ослепляете природу для того, чтобы она была вашим поводырём! Или, вернее, вы сами выкололи себе глаза эпикурейством¹⁴⁵, чтобы вас сочли пророками, которые высасывают вдохновение и толкование из своих пяти пальцев. – Вы хотите властвовать над природой и сами связываете себе руки и ноги стоицизмом, чтобы тем трогательнее петь серафическим голосом об алмазных цепях судьбы в ваших стихотворных сборниках.

Если страсти – члены неправедности, перестают ли они поэтому быть оружием мужественности? Понимаете ли вы букву разума лучше, чем букву Писания – тот аллегорический евнух александрийской церкви, который сам себя оскотил ради Царствия небесного¹⁴⁶? Самых великих злодеев, злоумышлявших против себя самих, князь этого эона¹⁴⁷ делает своими любимцами; его придворные шуты – злейшие враги прекрасной природы, у которой, конечно, есть корибанты и галлы¹⁴⁸ в качестве жрецов своего чрева, но есть и сильные умы – истинно поклоняющиеся ей.

Философ, подобно Саулу¹⁴⁹, устанавливает монашеские законы – но только страсть придаёт и абстракциям, и гипотезам руки, ноги, крылья; образам и знакам – дух, жизнь и язык. – Где быстрее возникают умозаключения? Где рождаются раскатистый гром красноречия и его спутник – односложная молния¹⁵⁰?

Почему должен я вам, невежественные в силу своих положения, чести и достоинства читатели, объяснять одно слово бесконечными словами, когда вы сами способны наблюдать проявления страстей повсюду в человеческом обществе; как всё, сколь бы оно ни было отдалённым, придаёт особое направление душе в аффекте; как каждое единичное ощущение распространяется по кругу всех внешних предметов¹⁵¹; как мы умеем осваивать самые общие ситуации, применяя свои личные приёмы, и превращать каждое личное обстоятельство в публичное зрелище неба и земли. – Каждая индивидуальная истина разрастается, превращаясь в основание плана, более

¹⁴³ «Ибо и боги любят игру» (Сократ в *Кратиле*).

¹⁴⁴ Сократ к Федру: «А, друг мой, в святилище Зевса Додонского говорили, что первые пророческие речи исходили от дуба. Тогдашним людям, ещё не бывшим мудрыми, как мы, молодые, по простоте достаточно было послушать дуб или камень, если только они говорили правду. Тебе же, быть может, важно, кто говорит и откуда он, ибо ты смотришь не только на то, так это или иначе».

¹⁴⁵ Согласно учению Эпикура, природа слепа: всё возникает и исчезает в результате случайных сочетаний атомов (прим. пер.).

¹⁴⁶ Имеется в виду Ориген (185-253), христианский богослов, писатель, автор термина «Богочеловек» (прим. пер.).

¹⁴⁷ Фридрих II (прим. пер.).

¹⁴⁸ Имеются в виду кастрированные жрецы богини Кибелы (прим. пер.).

¹⁴⁹ *1 Цар. 14:24*: «Люди Израильские были истомлены в тот день; а Саул заклял народ, сказав: проклят, кто вкусит хлеба до вечера, доколе я не отомщу врагам моим. И никто из народа не вкусил пищи».

¹⁵⁰ «Как тень, летучей и, как сон, короткой. / Так молния, блеснув во мраке ночи, / Разверзнет гневно небеса и землю, / И раньше, чем воскликнем мы: "Смотри!" – / Её уже поглотит бездна мрака» (Шекспир *У. Сон в летнюю ночь*). (Перевод Т. Щепкиной-Куперник – прим. пер.).

¹⁵¹ «Обычное следствие нашего незнания – представлять всё подобным себе и распространять свои портреты на всю природу», – говорит Фонтенель в *Истории французского театра*. «Великая страсть есть своего рода душа, бессмертная по-своему и почти независимая от органов». Фонтенель, *Похвала господину де Вернею*.

чудесного, чем та *коровья шкура*, что стала территорией государства¹⁵²; и *план*, обширнее *полушария*, обретает *острие* одной точки зрения. – Короче говоря: *совершенство* замыслов, мощь их исполнения, *зачатие* и *рождение* новых идей и новых выражений, *труд* и *досуг* мудреца, его утешение ими и отвращение к ним – простираются перед нашими *чувствами*, зарытые в плодородном *лоне* страстей.

«Публика филолога, его *мир* читателей, по-видимому, подобна тому лекционному залу, который заполнял один-единственный Платон¹⁵³. – И Антимак мужественно продолжал, – как сказано: *Non missura cutem nisi plena cruoris hirudo* (Точно пиявка: пока не напьется полна, не отстанет!)»¹⁵⁴.

Словно наше *учение* было бы одним лишь *припоминанием*, нас всё отсылают к памятникам древних, чтобы образовывать дух через *память*. Но почему же они останавливаются у *продырявленных колодцев греков* и оставляют в стороне *живейшие источники древности*? Мы, быть может, и сами не знаем толком, чем именно восхищаемся в греках и римлянах вплоть до идолопоклонства. Отсюда и происходит *проклятое противоречие*¹⁵⁵ в наших символических учебниках, которые донныне изящно переплетают *овечьей кожей*, но *внутри*, да – внутри они полны *костей мёртвых*, полны *лицемерной порочности*¹⁵⁶.

Подобно человеку, который рассматривает природные черты свои в зеркале, а потом отходит и тотчас забывает, каков он, – так же обращаемся мы с древними. Совсем иначе позирует живописец для автопортрета. – *Нарцисс* (луковичное растение *прекрасных умов*) любит свой *образ* больше своей *жизни*¹⁵⁷.

*Спасение – от Иудеев*¹⁵⁸. – Ещё не прочитав их, я ожидал найти в их философских сочинениях более здравые понятия – к вашему посрамлению, христиане! – Но вы так же слабо ощущаете *жало доброго имени*, коим названы¹⁵⁹, как и ту *честь*, которую Бог сотворил себе из *отвратительного прозвища Сына Человеческого*. –

Итак, *природа* и *Писание* – материалы *прекрасного, творящего, подражающего духа*. – Бэкон сравнивает *материю* с *Пенелопой*; её наглые женихи – *философы* и *книжники*¹⁶⁰. Историю нищего, явившегося ко двору на

¹⁵² Речь идёт о легенде, согласно которой Дидона получила от царя Ямба столько земли, сколько могла охватить коровьей шкурой: она разрешила шкуру на узкие полоски и таким образом очертила обширную территорию, на которой смогла построить Карфаген (прим. пер.).

¹⁵³ «Один Платон стоит для меня сотни тысяч» (Цицерон, *Брут*).

¹⁵⁴ Гораций, *Наука поэзии*, с. 476 (прим. пер.).

¹⁵⁵ Пс. 59:13: «Дажь нам помощь от скорби: и суетно спасение человеческо».

¹⁵⁶ См. весь XI том *Писем о новейшей литературе* – немного тут, немного там, собственно, на с. 131.

¹⁵⁷ Овидий, *Метаморфозы*, кн. III, строки 416–510.

¹⁵⁸ Ин. 4:22 (прим. пер.).

¹⁵⁹ Иак. 2:7: «Не они ли бесславят доброе имя, которым вы называетесь?».

¹⁶⁰ Согласно мифу, аллегорически истолкованному Ф. Бэконом, Пан (природа) возник в результате союза Пенелопы (бесформенной материи) с женихами (платоновскими идеями или формами). По мнению Бэкона, верно то, что он является сыном материи и Меркурия (= Слова Божьего). (F. Bacon, *Works*, vol. I, p. 523) (прим. пер.).

Итак, вы знаете; ибо не передал ли её *Гомер* в греческих, а *Поуп* – в английских стихах?

Но каким образом воскресим мы из мёртвых *вымерший язык* природы? – *Паломничествами в Счастливую Аравию*¹⁶¹, *крестовыми походами в страны Востока* и восстановлением их *магии*, которую мы должны захватить себе в добычу при помощи *старой женской хитрости*, ибо она *наилучшая*¹⁶². – Опустите глаза, *утробы ленивые!* И прочитайте, что *Бэкон*¹⁶³ пишет о магии. – А поскольку ваши ноги не выдержат в *шёлковых чулках* и *танцевальных туфлях* столь тяжёлого пути, дайте показать вам *прямой путь* при помощи гиперболы¹⁶⁴:

О, если бы Ты разверз небеса и сошёл на землю! – Ты, при чьём пришествии горы тают, как кипит вода от сильного огня, чтобы *имя* Твоё стало известно врагам Твоим, которые, однако, именуют себя по Его имени, и чтобы помазанные *язычники* научились трепетать пред чудесами, которые Ты творишь, и которых не ожидают! – Дай новым *блуждающим огням* взойти на Востоке! – Дай *новым звёздам* пробудить любопытство их *мудрецов*, чтобы они сами привезли нам свои *сокровища* – мирру, ладан и своё золото, которые нам дороже их магии! – Пусть будут цари *осмеяны* волхвами¹⁶⁵, пусть их *философская* муза тщетно рычит на *детей* и *детские учения*; но не дай *Рахили* рыдать напрасно! –

Как же нам поглотить *смерть из котлов*, чтобы эта *похлёбка* пришлась по вкусу сынам пророков? Чем умиротворим ожесточённый *дух Писания*? «Ем ли Я мясо волов и пью ли кровь козлов?» Ни догматическая основательность фарисейских ортодоксов, ни поэтическая роскошь саддукейских вольнодумцев не обновят послания *Духа*, который побуждал святых *Божиих* людей говорить и писать. – Тот наперсник *Единородного, сущий в лоне Отчем*, возвестил нам, что *дух пророчества* живёт в свидетельстве *Единого* Имени, и только им мы сможем спастись и наследовать обетование жизни настоящей и будущей; – *Имени*, которого никто не знает, кроме того, кто получает; Имени, которое выше всякого *имени*, дабы пред именем *Иисуса* преклонилось всякое *колени* небесных, земных и преисподних, и всякий *язык* исповедал, что *Иисус Христос* есть *Господь* во славу *Бога – Творца*, благословенного во веки! Аминь!

¹⁶¹ По инициативе Михаэлиса в 1761 г. датское правительство направило в Южную Аравию научную экспедицию Карстена Нибура (1733-1815) (прим. пер.).

¹⁶² Отсылка к библейскому сюжету (*Быт. 27*) о Ревекке, которая использовала хитрость, чтобы Исаак благословил Иакова, а не Исава. Для Гамана это метафора того, что божественную мудрость нельзя взять «штурмом» при помощи мужской логики, рационализма и прямого доказательства. К ней нужно подойти через интуицию, веру, поэзию, сердце и образность (прим. пер.).

¹⁶³ «МАГИЯ по преимуществу заключалась в том, чтобы подмечать символические *структуры* и *творения* в делах *природы* и *общества*... И это не просто внешние сходства (какими они могут показаться людям, пожалуй, недостаточно пронизательным), но явно *одни и те же следы или отпечатки природы, запечатленные на различных материях и предметах*». Бэкон во II книге *De augmentis scientiarum*, где он также определяет магию как *scientiam consensuum rerum universalium* – «науку о всеобщем согласии вещей» – и в этом свете пытается объяснить появление волхвов в Вифлееме.

¹⁶⁴ «И ещё превосходнейший путь покажу вам» (*1 Кор. 12:31*).

¹⁶⁵ Намёк на Фридриха II (прим. пер.).

Итак, *свидетельство Иисуса есть дух пророчества*¹⁶⁶, и первое знамение, которым Он возвестил о *величии* принятого им *облика раба*, превращает священные книги Завета в *старое доброе вино*, которое приводит в замешательство распорядителей пира и укрепляет слабый желудок судей искусства. «Читай пророческие книги, не понимая Христа», – говорит пунический¹⁶⁷ отец церкви¹⁶⁸, – «что найдёшь там столь же пресного, сколь и глупого? Постигни в этом Христа, тогда читаемое не только будет по вкусу, но и опьянит». – «Но, чтобы хоть раз поставить на место эти *святотатственные* и *надменные* умы, – Адам должен, пожалуй, прежде умереть, прежде чем он стерпит это и выпьет этого *крепкого вина*¹⁶⁹. Посему берегись, чтобы не пить вина, пока ты ещё *младенец*; всякое учение имеет свою меру, своё время и свой возраст»¹⁷⁰.

После того как *Бог исчерпал себя в природе и Писании, в творениях и провидцах, в основаниях и фигурах, в поэтах и пророках*, и промолвил это со вздохом, – на *закате* последних дней Он говорил с нами через *Сына Своего*, –

¹⁶⁶ Откр. 19:10: «Я пал к ногам его, чтобы поклониться ему; но он сказал мне: смотри, не делай сего; я – сослужитель тебе и братьям твоим, имеющим свидетельство Иисусово; Богу поклонись; ибо свидетельство Иисусово есть дух пророчества».

¹⁶⁷ См. *Ответ на вопрос о влиянии мнений на язык и языка на мнения*, который получил премию, назначенную Королевской академией наук на 1759 год, стр. 66–67. Здесь уместно обратиться к *Ars Punica, sive Flos Linguarum: The Art of Punning, or the Flower of Languages in seventy-nine Rules for the Farther Improvement of Conversation and Help of Memory*. – «Самыми остроумными считаются, пожалуй, шутки, основанные на двусмысленности; однако даже они не всегда заключают в себе насмешку, но часто и нечто серьёзное» Цицерон, *De oratore*, кн. 2, издание второе, 1719. – Это учёное сочинение, мой экземпляр которого, к сожалению, неполон, на самом деле написано – Свифтом, «славой духовенства», по выражению Хагедорна (*Слава духовенства и позор!* – А. Поуп, *Опыт о критике*). Оно начинается с логического, физического и нравственного определения. В логическом смысле: «Соотносимым называется то, что называется тем, что оно есть, – как относящееся к чему-то другому, или же иным способом по отношению к чему-то другому». Согласно естествознанию же (взглядам авантюрного и вычурного Кардано), «игра слов – искусство гармонически звенеть словами, которые, входя через уши и падая на диафрагму, возбуждают щекочущее движение в этих частях, и оно, будучи передано животными чувствами на мышцы лица, заставляет сердце трепетать». А, согласно *казуистике*, это «добродетель, которая наиболее действенно способствует достижению цели – укреплению доброго товарищества». – Пример этой искусственной добродетели обнаруживается, среди прочих того же рода, в упомянутом *Ответе* – в *пуническом* сравнении *Магомета*, пророка и *Августина*, отца церкви, написанном, похоже, *амфиболичным* любителем поэзии с наполовину восторженным, наполовину академическим воображением, всё ещё, по-видимому, недостаточно учёным, чтобы как следует понимать употребление *образного* языка, не говоря уже о способности судить о духовном опыте. Добрый епископ, сам того не зная, говорил по-еврейски, подобно тому, как мещанин во дворянстве, сам того не зная, разглагольствовал прозой; и как ещё и поныне можно, того не ведая, обнажить учёными вопросами и ответами *варварство* своего времени и *коварство* своего сердца – в подтверждение глубокой истины, что все люди – *грешники* и не заслуживают славы, которая им приписывается: и арабский лжепророк, и добрый африканский пастырь, и остроумец (которого следовало бы назвать первым), коему пришло в голову при помощи *столь смешных параллелей притянуть за уши сравнение этих двух исповедников Провидения* в соответствии с пунической логикой наших современных каббалистов, для которых каждый *фигурный лист* равносильен *достаточному основанию*, а каждый *намёк* – *исполнению*.

¹⁶⁸ Св. Августин в *Комментариях к Евангелию от Иоанна*, трактат IX, с. 3 (прим. пер.).

¹⁶⁹ «Старый Адам» – это ветхий, греховный человек, который в контексте Гамана олицетворяет именно *эгоистический разум Просвещения*, пытающийся судить обо всем со своей колокольни. Этот «Адам» должен пережить духовную смерть (сокрушение гордыни, покаяние), чтобы человек смог воспринять «сильное вино» – то есть глубокие, парадоксальные, огненные истины живой веры, мистики и подлинной поэзии (прим. пер.).

¹⁷⁰ Слова нашего *Лютера* (который, говорят, немного испортил свой вкус чтением *Августина*) из его известного *предисловия к Посланию к Римлянам*, которое я не устаю перечитывать, как и его *предисловие к Псалтири*. Это место приведено здесь с так называемой *аккомодацией*, потому что Лютер там говорит о бездне *божественного провидения* и по своей похвальной привычке уверяет в своём изречении, «что без *страданий, креста и смертных мук* нельзя рассуждать о *провидении*, не навлекая на себя *вреда и тайного гнева Господа*».

вчера и ныне, – пока также не исполнится обетование Его *пришествия* – уже не в облике раба: Ты, Царю славы, Христе, Ты Отца Присносущный Сын еси: Ты, ко избавлению приемля человека, не возгнушался еси *Девического чрева*¹⁷¹.

Богохульством сочли бы, если бы я назвал глупыми чертями наших остроумных софистов, которые ценят законодателя иудеев не выше *ослиной головы*, а изречения певцов оных – не выше *голубинового помёта*; но всё же станет их день *Господень* – *воскресенье* – чернее той *полуночи*, в которую *непобедимые флоты* уподобятся *стерни*¹⁷². – Самый распутный западный ветер, *герольд* последней *бури*, – столь же *поэтично*, как только *Господь* *войсковых отрядов* может *мыслить* и *выразить*, – заглушит тогда и самого громогласного полкового трубача: – *радость* Авраама достигнет наивысшей вершины; *чаша* его переполнится. – Самую последнюю слезу! Несравненно драгоценнее всех жемчужин, которыми станет кичиться последняя царица Египта¹⁷³, – эту последнюю слезу плача о последнем пожаре *Содома* и о похищении последнего мученика¹⁷⁴, *Господь* собственноручно сотрёт с очей *Авраама*, отца верующих!

Тот день *Господень*, который придаёт христианам мужества возвещать о *смерти Господней*, выявит среди всех *ангелов* глупейших деревенских чертей, которым уготован адский огонь. Бесы *веруют* и *трепещут* – но ваши чувства, *извращённые коварством разума*, не трепещут. – Вы смеётесь, когда *грешник Адам* давится яблоком, а *мудрец Анакреон* – *виноградной косточкой*¹⁷⁵. – Разве не смеётесь вы, когда *гуси будят* своим криком Капитолий, а *вороны* питают патриота, дух коего был *артиллерией и конницей Израиля*¹⁷⁶? – Вы тайно поздравляете себя с вашей слепотой, когда *Бог* на кресте причисляется к *разбойникам*, – и когда *обожествляют мерзость* в *Женеве* или *Риме*, в *опере* или *мечети*¹⁷⁷ и *ставят ей очистительную клизму*. «Двух ты змей нарисуй: ребята, священное место, / Тут не мочиться! – уйду» (Персий).¹⁷⁸

День *рождения гения* по обыкновению сопровождается праздником мученичества *невинных детей*. – Позвольте мне сравнить рифму и размер с невинными детьми, которые, по-видимому, в новейшей поэзии находятся под угрозой смертельной опасности.

Если *рифма* принадлежит к роду *парономасии*¹⁷⁹, то её происхождение должно быть почти столь же древним, что и природа языков и наших чувственных представлений. – Тот, кому слишком тяжело *ярмо рифмы*, ещё не

¹⁷¹ Церковно-песенное окончание этого раздела благочестивый читатель дополнит сам. Моя память изменяет мне из одного лишь *упрямства*; «Прямо он к делу спешит; ...внимающих слух увлекает» (Гораций, *Наука поэзии*, строки 148–149).

¹⁷² Гаман подразумевает испанскую Армаду, уничтоженную английским флотом в 1588 г. (прим. пер.).

¹⁷³ Принято считать, что во время пира Клеопатра растворила драгоценнейшую жемчужину в уксусе и подняла за это тост в честь Антония.

¹⁷⁴ 2 Петра 2:8: «ибо сей праведник, живя между ними, ежедневно мучился в праведной душе, видя и слыша дела беззаконные».

¹⁷⁵ В стихотворении друга Гамана, известного кёнигсбергского поэта Иоганна Фридриха Лаусона (1727–1783), говорится: «Умер Анакреон-стихотворец от косточки виноградной» (прим. пер.).

¹⁷⁶ Гаман описывает события, связанные с пророком Илией (3 и 4 Царств) (прим. пер.).

¹⁷⁷ Гаман имеет в виду католическую мессу и протестантский храм (прим. пер.).

¹⁷⁸ Персий, *Сатиры*, кн. I, сатира 113 (перевод А. А. Фета – прим. пер.).

¹⁷⁹ См. примечание 76 издателя к XV лекции Лоута, Algarotti, v. III.

имеет права по этой причине преследовать её дар¹⁸⁰. Иначе *нерифмуемая строка* дала бы этому легкомысленному перу столь же много поводов для сатиры, сколько *Платон* мог иметь для насмешек над икотой *Аристофана* в *Пире*, или *Скаррон*¹⁸¹ – над собственной, чтобы увековечить её сонетом.

Свободное *строение*, которое позволяет себе *Клопшток*¹⁸², этот великий восстановитель *лирического песнопения*, вероятно, есть *архаизм*, счастливо подражающий загадочной механике *священной поэзии у иудеев*, в которой, по проницательному наблюдению глубочайших критиков¹⁸³ нашего времени¹⁸⁴, не замечаешь уже ничего, кроме «*искусственной прозы*, разделённой на *малые части её периодов*, каждую из коих можно рассматривать как отдельный стих с особым размером; и размышления или чувства древнейших и святейших поэтов как будто выстроились сами собой» (возможно, так же случайно, как солнечные пылинки Эпикура) «в *симметричные строки*, исполненные благозвучия, хотя они и не имеют (ни предначертанного, ни закономерного) слогового размера».

Монотонный размер Гомера должен казаться нам по меньшей мере столь же *парадоксальным*, сколь и свободный – немецкого *Пиндара*¹⁸⁵. Моё восхищение – или невежество – относительно причины *единого слогового размера* у греческого поэта умерилось в путешествии по Курляндии и Лифляндии. В этих местностях есть области, в которых можно услышать, как *латышский* народ или народ, *не являющийся немецким*, поёт за всякой работой, но лишь одну *каденцию* немногих тонов, весьма похожую на размер. Если бы в этом народе родился поэт, было бы совершенно естественно, что все его стихи были бы скроены по этому *принятому мерилу их голосов*. Понадобилось бы слишком много времени, чтобы осветить это малое обстоятельство («но разве что глупцы обрадуются случаю приложить к написанному им свои щипцы для завивки»¹⁸⁶) в должной мере, сопоставить с другими феноменами, исследовать его причины и развить плодотворные следствия. –

¹⁸⁰ «Мягко вкрадывается рифма в сердце, если она обретается без принуждения; она поддерживает и украшает гармонию и вклеивает речь в память». *Элегии и письма*. Страсбург, 1760.

¹⁸¹ Скаррон, Поль (1610–1660) – французский писатель, поэт, драматург, который специализировался на поэзии в стиле бурлеска. Считается, что незадолго до своей смерти он хотел написать сатиру на свою икоту (прим. пер.).

¹⁸² Клопшток, Фридрих Готлиб (1704–1803) – немецкий поэт-эпик и лирик, использовавший классические стихотворные размеры, в том числе так называемый «свободный размер» пиндарической оды (прим. пер.).

¹⁸³ Михаэлиса и Лессинга (прим. пер.).

¹⁸⁴ См. в третьей лекции Лоута четвёртое примечание издателя, с. 149, и в III томе *Писем о новейшей литературе* – пятьдесят первое.

¹⁸⁵ Было бы *забавно*, если бы господин Клопшток пожелал изложить своему наборщику или какой-нибудь *Маргоштонпальнице* как Музе филолога причины, по которым он печатает *выделенными строками* свои поэтические ощущения, имеющие своим предметом *qualitates occultae* (скрытые качества) для толпы и на галантном языке именуемые *ощущениями* *par excellence*? Несмотря на мой *тарабарский язык*, я весьма охотно признал бы *прозаический* стиль Клопштока образцом *классического* совершенства. По малым его образцам я приписываю этому автору столь глубокое знание его родного языка и особенно его *просодии*, что его *музыкальный* слоговой размер кажется мне самым подходящим *праздничным одеянием* для *лирической поэзии* певца, который не желает быть пошлым. – Я отличаю оригинальные произведения нашего *Асафа* от его переделок старых церковных песен, даже от его *эпосов*, история которой известна и, если не целиком, то по крайней мере в *общих чертах*, сходна с историей у *Милтона*.

¹⁸⁶ Цицерон М. Т., *Брут*, 75: 262. Перевод И. П. Стрельниковой (прим. пер.).

«Вдосталь снега слал и зловещим градом / Землю бил Отец и смутил весь
Город, / Ринув в кремль святой огневые стрелы / Гневной десницей. / Страх навел
на все племена он, вновь бы / Грозный Пирры век не настал, смущенной / Чудом:
вот Протей свое стадо гонит / К горным высотам» (Гораций).¹⁸⁷

*Апостиль*¹⁸⁸

Как *первый* читатель этой рапсодии в каббалистической прозе я считаю
себя по *праву первородства* обязанным оставить моим *младшим* братьям,
которые придут после меня, ещё один *пример милосердного суждения*, а именно:

Всё в этом эстетическом орехе отдаёт *суею*! – *Суею суею*! – *Рапсод*¹⁸⁹
читал, наблюдал, думал, искал приятные слова и находил их, добросовестно
приводил их и, подобно торговому кораблю, доставлял свою пищу издалека и
привозил её из дальних стран. Он складывал *предложение* к *предложению*, как
считают *стрелы* на *поле битвы*; и вымерял свои *фигуры*, как измеряют *гвозди* для
шатра. Вместо *гвоздей* и *стрел*¹⁹⁰, он использовал для своего труда, вслед за
тищеславными модниками и *академическими хитрецами* своего времени, *****
и _ _ _ _ , *obelisks* и *asterisks*¹⁹¹.

Выслушаем же теперь *сущность* всей его новейшей эстетики, сущность
древнейшую:

*Бойтесь Бога и воздайте Ему славу, ибо пришёл час суда Его, и
поклонитесь Сотворившему небо и землю, и море, и источники вод!*

Латинское упражнение.

**Впервые было напечатано в виде приложения к академическому памфлету
de Somno & Somniis, то есть «О сне и сновидениях», который в 1751 году, 3
апреля, в философской аудиенц-зале**

АЛЬБЕРТИНЫ

согласно *суе*ному обычаю *отеческого* предания

был публично представлен

неким блудным сыном

покровительницы латыни и древнегреческого Альбертины.

«...меня роща *прохладная*, / Там, где *Нимф* хоровод легкий с *Сатирами*, / Ставит
выше толпы...»¹⁹² Гораций.

¹⁸⁷ Гораций, *Оды*, кн. I, ода 2, перевод Н.С. Гинцбурга. Намёк на античную легенду о Всемирном потопе (прим. пер.).

¹⁸⁸ Официальные полномочия, указанные в приложении к документу (прим. пер.).

¹⁸⁹ «Рапсоды – толкователи толкователей» – Сократ в диалоге Платона *Ион*.

¹⁹⁰ Прокопий, *О персидской войне*, I, 18.

¹⁹¹ «Астериск позволяет светиться;obelisk умерщвляет и пронзает». Св. Иероним, в предисловии к *Пятикнижию*. Ср. Диоген Лаэртский о Платоне. Умелое использование этих масоретских знаков могло бы с таким же успехом помочь осовременить *соломоновы писания*, с каким один из современных толкователей прокомментировал два послания Св. Павла с помощью метода параграфов и *таблиц*.

¹⁹² Гораций, *Оды*, кн. I, ода первая, пер. А. П. Семенова-Тян-Шанского (прим. пер.).

Оруженосец Автомедон Патрокла приветствует.

Ты, право, очень дурно для себя поступил, *славнейший Линднер*, поручив мне защищать твою книгу. Могу пообещать, что ты расквесишься в том поручении, которое дал мне. Быть может, ослеплённый привычкой, ты судишь обо мне благороднее, чем следует; ибо я считаю недостойной тебя такую уловку, будто ты хочешь придать вес своему красноречию благодаря младенческой немоте твоего *респондента*. За тебя будет сухо говорить тот юноша, который привык с усмешкой, по словам Флакка, смотреть на крикунов литературного форума: «Сделали боги, что дали мне ум и скудный и робкий! / Редко и мало ведь я говорю; но тебе не мешаю».¹⁹³

Однако я уступил твоему желанию, чтобы ты не мог обвинить меня в недостатке дружеских чувств; лучше уж я произведу дурное впечатление на слух иных людей, чем открою двери твоему несправедливому подозрению, и лучше предпочту рискнуть своей славой, чем нанести ущерб твоей любви. При неблагоприятном исходе меня утешит благочестие этого долга.

Чтение же книги, которую ты написал о сне и сновидениях, было для меня весьма приятным и внушило мне ревность к твоему философскому уму. Я попытался несколько поразмышлять о гадании по снам – искусстве весьма знаменитом, которое вызывало у одних отвращение, другим же было приятно. Зуд догадок заставил людей попытаться предсказать самую мрачную судьбу ещё до её наступления. От чрезмерного тщеславия, думаю, эти прорицатели хвалились знанием, которое должно изумлять философа не меньше, чем чернь. Кроме того, летописи учёности внушают нам, что это искусство процветало почти с божественным авторитетом в те века и у тех народов, где суеверие боролось за господство либо с невежеством, либо с чрезмерно тонкой и любопытствующей философией. Главные авторы, которые в древности оставили письменные наставления и тайны этого искусства, суть Артемидор в *Онейрокритике*, которую Янус Корнарио¹⁹⁴ перевёл на латинский язык, Абу Машар в *Апотелесматике* в переводе Иоанна Левенклавия¹⁹⁵, Аристотель, Цицерон и Макробий и проч. – Ямбическое стихотворение Никифора, патриарха Константинопольского, на ту же тему мне до сих пор не было позволено ни увидеть, ни просмотреть¹⁹⁶. – Не хочу здесь хвалить догадки, которые врачи некогда выводили из ночных сновидений больных; хотя я и не одобряю того, что наши пеоны пренебрегли в этом наблюдениями Гиппократов, однако они и поныне не краснеют, изображая прорицателей по ритму вен и по осмотру мочи. Я не стану прослеживать историю этого искусства и не буду вдаваться в вопросы о его

¹⁹³ Гораций, *Сатиры*, кн. 1, сатира 4 (прим. пер.).

¹⁹⁴ Корнарио, Янус (ок. 1500–1553) – саксонский врач, одарённый и плодовитый филолог, открывший своим современникам множество литературных памятников Древней Греции и Рима (прим. пер.).

¹⁹⁵ Иоганн Лёвенклау, (ок. 1541–1594) – выдающийся немецкий историк, правовед, гуманист, востоковед и переводчик (прим. пер.).

¹⁹⁶ В XVIII в. многие византийские рукописи и малые тексты ещё не были напечатаны массовыми тиражами и хранились в закрытых европейских архивах или частных коллекциях. Гаман мастерски пародирует стиль академических ученых, которые обожали вставлять в свои трактаты бесконечные списки редких источников, хвастаясь своей эрудицией (прим. пер.).

основании и нравах, которые скорее удовлетворили бы любопытного читателя книг о чудесах, чем тебя. Я, конечно, не отрицаю, что во многих толкованиях снов их авторы обнаруживают изящное и богатое остроумие; однако следует сожалеть, что им недостаёт здравого суждения и достоверности: поэтому я считаю более разумным смеяться над их прорицаниями, чем верить им. Но чтобы ты не счёл меня насмешником над всяческими сновидениями, скажу, что я весьма почитаю авторитет Священного Писания и опыта и потому полагаю, что некоторые сны действительно значимы. Одни из них, по моему мнению, приятнее и важнее многих дел, которыми мы занимаемся наяву; более того, я предпочёл бы быть Крёзом или Иром во сне, нежели наяву. Но оставим это. –

Мне представляется более весомым мнение некоторых философов, которые полагали, что человеческий дух во сне способен к проявлению более высокой силы. Согласно их взглядам, способность предвидения действует тем сильнее, чем меньше дух занят воздействием на телесные движения и поступки. К этому доводу они присовокупляют общение с гениями, благодаря которому наша душа во сне может собирать тайные сведения о судьбе. Твоё объяснение сна, по-видимому, противоречит их мнению, приписывающему нашему духу особую прерогативу именно во время сна. Ведь связь, существующая между душой и телом, является причиной того, что деятельность души зависит от состояния и расположения тела. Следовательно, недостаток или избыток жизненного духа своими движениями приводят телесную машину – а вместе с ней, в силу тесной связи между ними, и душу – в состояние, неспособное к восприятию. Поскольку же сон предназначен для восстановления нервного сока, расходуемого в течение дневной деятельности, становится ясно, что нашему духу в это время предоставляется отдых от мышления¹⁹⁷.

Было бы иначе, если бы состояние души во сне было таково, что она не осознавала бы себя самой и не чувствовала бы, что мыслит, потому что её идеи и представления были бы отделены от соответствующих движений мозга¹⁹⁸. Душа отдыхает от своей внешней деятельности, подобно тому, как Творец почил после Своего творения; однако она продолжает действовать, точно так же, как и мы не перестаём жить во сне, хотя в покое не ощущаем самой жизни. Поистине, недостаток нашего состояния состоит в том, что мы не можем обходиться без этих материальных образов, равно как и без слов, если хотим сознавать собственные мысли. Но не думай, будто те идеи, которых мы не помним, являются ничтожными и бесполезными; может существовать связь – хотя она от нас скрыта – между ними и теми представлениями, которые мы начинаем ощущать тогда, когда произошло восстановление мягкой влаги мозга, и этот *ихор*

¹⁹⁷ Эти рассуждения объясняют, почему Гаман включил этот текст в свою книгу. Он уподобляет филологические споры своего времени «сну наяву» (продолжая метафору диссертации *de Somno & Somniis*). Ученые запираются в пыльных кабинетах, спорят об одном единственном союзе или правильном ударении в слове, полностью отгораживая себя от живого человеческого опыта, чувств и веры. Филология в университетах превратилась в суеверный культ «мертвой буквы», который не приближает человека к истине, а лишь раздувает его интеллектуальное тщеславие (прим. пер.).

¹⁹⁸ Платон, *О государстве*, книга IX, в начале.

нашей природы был вновь восполнен. Тогда наше воображение играет с этими душевными ощущениями на «доске» мозга, когда волокна вновь наполнены и восстановлены. Связь, существующая между нами и небесными жителями, а также с толпой демонов, может распространяться и на сны; тем более что присутствие духов и призраков различных порядков, способных воздействовать на наши души, как учат нас тайные божественные писания, имеет величайшее значение для разрешения уз человеческой природы. Отсюда, быть может, происходят предостережения наших гениев, которыми мы столь часто в тревоге пренебрегаем; отсюда побуждения, автором которых мы не решаемся признать собственную душу; отсюда решения, оснований которых мы не знаем; серьёзные мысли, которые мы приписываем случаю; действия, в которых наша душа недостаточно понимает посредствующие причины. Если бы и мне было позволено выводить взаимную симпатию душ из воздействия гениев, я почти поверил бы, друг мой, что наши гении ещё прежде заключения нашей дружбы вступили между собой в согласие. Однако, следуя внушению моего гения, я заканчиваю это письмо, чтобы промедление в переписке не сравнялось с долговечностью нашей привычки писать друг другу. К тому же, когда я перечитываю всё это, мне кажется, будто я писал в состоянии сна. То время, что остаётся, я предпочитаю употребить на то, чтобы ни тебе не раскаяться в совете, ни мне – в услужливости.

Будь здрав.

Календы апреля 1751 года.

Юношеские стихотворения по случаю¹⁹⁹

«Если ж ты сопричтешь к лирным певцам меня,...» (Гораций)²⁰⁰

Небольшие сочинения Кассия Пармского²⁰¹

«Когда Родопейский герой²⁰² впервые взял в руки звонкий плектр матери и украшенную золотом кифару, [окружающие] смеялись над его слишком медленными движениями пальцев, и над неуверенным голосом, не попадающим в мелодию струн... До тех пор, пока он, кого прежде высмеивали, своим пением не заставил леса и вырванные с корнями скалы двинуться вслед за ним, осмелившись проложить путь...»

*Поздравление сына
в день рождения его отца
1749*

¹⁹⁹ Для сохранения смыслового наполнения текстов был выполнен подстрочный перевод (прим. пер.).

²⁰⁰ Гораций, *Оды*, кн. I, ода 1, перевод А.П. Семёнова-Тян-Шанского (прим. пер.).

²⁰¹ Гораций, кн. I, послание IV. Впрочем, отсылаю к сочинениям господина Дефорж-Майяра, где можно найти и французский перевод этого маленького стихотворения об Орфее. (Дефорж-Майяр, Поль (1699-1772) – французский поэт и сатирик XVIII в., прославился благодаря скандальной литературной мистификации – прим. пер.).

²⁰² Орфей (прим. пер.).

О Муж! Чья грудь мягко вздымается
От неподдельного отцовского чувства,
В которой бьётся честное сердце
И волнуется кровь, полная верной любви, —
Услышь первый звук моей лютни,
Поющей песни благочестивого благословения
И возносящей тебе почтительную благодарность
В ещё неуверенных аккордах.
Пусть слабое искусство моих нервов
Понравится тебе, *отец*, больше, чем мне самому,
Послушай с благосклонной милостью,
Как звучит содержание моей души.

Как при часто напряжённом труде
Бунтует тщеславие ученика,
Который ревнивым слухом внимает
Гармонии более сильного мастера;
Как дух втайне досадует на то,
Что его струны не спорят столь же искусно и дерзко
с созвучием его мыслей:
Столь же мучительно стремится, сердясь на себя самого,
Моё перо выразить те мысли,
Которые уступают возвышенным пожеланиям тебе,
Сердечному чувству.

О, трижды блажен да будет тот день,
Когда твой *отец*, благословляя, приветствовал тебя,
Говорил с тобой, глядя по-отцовски,
И с жаром целовал тебя как *сына*.
Ты, правда, плакал, когда он радовался,
От детских, смутных предчувствий страдания;
Но у материнской груди ты обретал
Одновременно и покой у её сердца.
Моё счастье, которому ты не завидуешь

И которое у тебя отняли слишком рано²⁰³,

²⁰³ Моему *отцу* ещё не было и года, когда умер мой *дед*. Моя *бабушка* (единственная дочь *Иоганна Мусковия*, о примечательной жизни которого можно найти некоторые сведения в *Учёном лексиконе*) осталась в своём вдовстве с *двумя* сыновьями; *старший* из них не совсем неизвестен в писательском цехе и умер в Гамбурге. Поскольку это *семейное сказание* похоже на *conte de ma mère l'Oye* («сказку матушки Гусыни»), то настоящее примечание будет *последним*, которым филолог одновременно прощается со снисходительностью, великодушием, терпением и стойкостью своих читателей.

Остаётся не потревоженным судьбой.
К тебе благосклонен приговор Провидения.
Пусть *Бог* умножает число твоих лет;
Его благословение укрепляет твои бока,
И мудрый выбор Его благодати
Сопроводит труды твоих дней.
И я часть счастья твоего; –
Да устроит небо это благословение!
Потому смотри с полным надежды взором
И на это последнее утешение.

Дружеская песнь

на возвращение домой господина С. Г. Х.

1751

«...друг вернулся, / Сладко мне с ним за вином забыться!» (Гораций)²⁰⁴

Того *симпатического* порыва, *поэзии* небесное помазание,
Я некогда ревниво жаждал с молчаливой скорбью;
Но если вы, друзья, любите меня, не стану я завидовать
Нежному пылу *Лауры*, *Петрарки* славе!

Благотворная дружба, вместо *Полигимнии*, вливает мне ныне по капле
Учёное вдохновенное мечтание в сердце, а в уши – *гармонический* шелест. –
Музой для меня, мой Хеннингс, становится каждая мысль,
С которой я ожидаю твоего приезда!

Уверенное наслаждение бытием, свежие ощущения жизни
Омолаживают вновь кровь больного, как *творение*:
Так целительно бьётся мой пульс, напряжённый *упругой* радостью,
Ведь я должен вскоре обнять тебя.

Как долго ты томишь нас, друг? – Мой застывший в ожидании взгляд,
Слишком легко обманывающийся, в *дромедарической* тоске,
Видит, наконец, твой облик! – Первое благословляющее приветствие
Я предвкушаю с трепетом. –

Ещё машет рукой в небесном круге кроткий вечер нашему обету,
Он милостиво возмещает упущенную радость лета,
И Луна (подмалёвывая своё бледно-истасканное лицо)
Из любопытства будет смотреть на наш праздник.

²⁰⁴ Гораций, *Оды*, кн. II, ода 7, перевод Г. Ф. Церетели (прим. пер.).

Зефир уже стареет, крылья его тяжелеют,
Ведь он реже въётся вокруг пышных кустов и грудей. –
Так было бы и с нами, братья! Если бы честной бодрости духа
В нас не поддерживало воздержание.

Мудрость дарует нам, друг, по-сократовски улыбающийся взор –
Как бальзам философической щекотки от железной боли. –
Да будет юношеский вкус в нашей шутке и серьёзности
Соболиным мехом, согревающим мужественно-крепкую грудь!

Ланге

Добродетель шествует в сопровождении покоя,
Минерва покрывает её своей эгидой;
Она и в порочном мире испытывает
Удовольствие и обладает самым верным другом.
На двадцать второе число

месяца Христова

1751

Сегодня, друзья, моё сердце ощущает
Ценность возвышенной радости!
Остроумие и шутка юности
Являются в праздничных одеждах.
Пусть же радуется моя песнь
О наслаждении и кроткой глупости,
Которые и грудь мудреца
Овевают, как весенний ветер.
Забудьте плуг забот
В колыбельно-мягком шуме. –
Праздник жизни отца
Даёт мне право помечтать.
Я, как старший сын,
Пою в честь вашей радости;
Как дружеской наградой
Воспользуйтесь уроками веселья.
Наполните чрево ваших бокалов
Целомудренной кровью лоз. –
Неосквернённый аромат
Жертвенного вина поднимают
Волны чистого воздуха,
Которые от болтливых струн
Из пещерных гротов
Разносят опьянение чувств. –

Почувствуйте силу любви
В этот радостный день,
Которая играет в нимфах
К вашему желанному томлению!
Смотрите, как взгляд моей матери
Ласково приветствует отца,
Когда мы за счастье обоих
Целуем край чаш.
Я слышу, как вы, полные ликования,
Поёте о вине и любви;
Но моя Муза должна
Привнести фимиам пожеланий:

Тебя, *отец*, тебя обнимает моя песнь. –
Провидение, которое с неба взирает
На наши радости и их движения,
Просеивая человеческие желания
В сите мудрости и изливая их на нас как благословение, –
Провидение, которое само есть *отец*,
Пусть узами свяжет тебя своими верными руками,
Чтобы стать залогом достижения жизненной цели!
Да будет с тобой благополучие, любимый старец!
Да будет твоё благоденствие наградой нашей добродетели,
За которую мы складываем наши руки
И протягиваем благочестивую благодарность!

Памятник

«Истинно скорбит о мёртвых тот, кто живет согласно их воле» (Эдвард Янг,
«Ночные мысли»)

Кёнигсберг, 16 сенного месяца, 1756 г.

«Встают дети и ублажают её, – муж, и хвалит её» (*Притч. 31:28*)

Памятник

Я беру пример с благодарной скорби сына, который в благодетельных останках, на коих он выплыл из смертельной опасности при кораблекрушении, узнал своего отца, бывшего его спутником в путешествии. Эти холодные и оцепеневшие члены даровали ему ныне вторую жизнь; их вид привёл его в такое воодушевление, в котором смешались ужас, нежность, сострадание и радость.

Будьте благословенны, благочестивые останки моей матери! Ты ли это, которая носила меня под своим сердцем, которая разделяла с Провидением заботы о нуждах моего существования – от ступени растительного и гусеничного состояния до более зрелого человека? Да, благодарение Провидению за эти годы

и его проявление, его разум и опыт позволили мне осознать, насколько дорога ребёнку мать, подобная тебе. – Так цветок в долине может больше гордиться природой и её Творцом, чем престол Соломона своим основателем и своей славой. – Но похвала моей матери не должна быть упреком миру, которого она боялась и трудности которого преодолевала; но, подобно её жизни, – тихой признательностью ей, которую моё сердце возносит *Богу* во славу, а память о ней да будет моим немым и верным проводником на пути к той славе, которую раздают ангелы. Её дух наслаждается в лоне блаженства тем покоем, в надежде на который заключается утешение, а в обладании которым – обретение веры. Тронутая тоской по тому, что *Бог* уготовил в том мире, она уже в этом мире смягчала отвращение к суетности и терпение к страданиям мыслью о своей кончине. Услышанная к её радости, но отнятая у наших чувств и желаний, лежит она передо мной – только лишь её бездушное тело, её бледная тень. Будь благословенна для меня даже как бездыханное тело, в чертах которого образ смерти показался мне милым и у гроба которого я сегодня хочу собороваться в ожидании собственной кончины!

Итак, это последний узел моей судьбы, который ожидает меня. Неужели я должен буду лишиться мира и собственного тела, без ущерба для той части самого себя, которая столь тесно связана с обоими, что я поражаюсь этому расставанию как чуду? Зрелища земли перестанут производить на меня впечатление; орудия восприятия и движения будут освобождены от своей службы, хотя к ним так привыкаешь, что начинаешь считать их почти незаменимыми. – Значит, я существую для того, чтобы вскоре перестать существовать? Самое нелепое противоречие, на которое едва ли был бы способен человек, даже если бы он мог считать себя одновременно причиной и следствием. – Нет, то мудрое и великое Первосущество, которое во всяком создании, окружающем меня, непостижимо вездесуще, следы которого повсюду источают видимое благословение, будет преследовать, вместо моих конечных целей, Его конечные цели, проистекающие из Его любви к своим творениям, направленные на их благо, и которым я должен следовать и которые призван исполнять. – Горе мне, если я упустил дело, к коему был приготовлен, и ради своего удовольствия страдал природу, злоупотребляя её дарами! Но знаю ли я сам величину своих проступков, когда был столь беспечен к обязанностям, к обязательствам, к условиям своего существования, да и к замыслам и затратам неба для моего блага? Неужели я прожил напрасно, и Господь зря потратил на меня свою щедрую заботу, которая наполняет всё творение благодарностью и счастьем? – Что я говорю: *зря потратил*? – На меня! – Оскорбителя высшего величия, который противодействовал Его замыслам, которому было мало собственной гибели, который дерзнул посягать на весь порядок домостроительства *Божия* и на права своего рода. – Но если я почти все Его благодеяния принимал из Его рук с таким же равнодушием, как свой первый вдох, то почему теперь мне так трудно отдать его обратно? – Я вижу в этом более, чем *естественное событие*; я ощущаю предчувствие кары, которая хочет меня настигнуть. Звук шагов вечного

Судии, идущего мне навстречу, оглушает меня сильнее, чем уничтожение моих сил. – Смерть! Царь ужасов! Против которого никакой *созерцатель* природы, даже если это *Бюффон*, не сможет укрепить нас ни наблюдениями, ни тонкостями; против горечи которого напрасно призывают на помощь, как царь амаликитян, напрасно прибегал к похотливым развлечениям и крикливой браваде²⁰⁵: – каким же тайным образом Христос превращает тебя в учителя мудрости, в вестника мира?

Последние часы моей благочестивой матери распахнули моё мягкое сердце для этого блаженного наставления, которое освящает нашу жизнь и её конец! – Боже дней моих! Научи меня их считать, чтобы я стал мудрым. Эта Земля не есть моё наследие, а её низкие удовольствия много ниже цели моего предназначения; эта пустыня, где искушения голода сменяются обманчивыми видами, не есть моё отечество, которое я должен любить; эта глиняная хижина, которая тяготит рассеянный ум, не есть храм, в котором я должен служить вечно и разрушения которого должен бояться. – Я восхищаюсь здесь Строителем Вечности, в которой мы также должны обрести свои жилища, видя одни лишь её строительные леса; и считаю ряд своих лет лишь обломками судна, на которых я могу спастись и, разумно используя их, достигнуть гавани, ведущей в страну блаженства. – Примирённый с *Богом*, я буду удостоен его созерцания, смогу отражаться в более чистом свете его совершенств и стать гражданином неба. Ни враг, ни обвинитель, ни клеветник не устоят, когда им противостоит заступник, который, восседая на судейском престоле, носит на своём теле прославленные раны своей любви – по подобию которого должен быть возрождён мой прах. Вся Его заслуга, которой Он обратил мир грешников в свою собственность, принадлежит нашей вере; облагороженные ею, наши дела следуют за нами, и малейшее из того, что мы совершаем из любви к ближнему, записано на счёт Человеколюбца так, *как если бы оно было совершено для Него самого*. – Как надёжно подтверждена наша уверенность в будущем, когда Небом нам уступлено и даровано столь многое из того, что оно за нас предприняло и совершило! Я вопрошаю историю *Господа* за столь многие века с тех пор, как Он создал нашу Землю; она говорит только о верности. Когда он извлёк её из глубины вод, он заключил союз – и мы свидетели истинности его. Ради нас сказал Он ей: «Стань!» и «Исчезни!»; ради нас она снова возникла и существует доныне. – Какое участие мы имеем своими нуждами и молитвами в Его управлении и провидении! Круговорот жизни, которая постоянно обновляется даже под властью всеобщей смерти; благословение каждого настоящего мгновения; задаток сокровищ, который мы получаем уже здесь; знаки нашего сохранения во времени, которое мы так мало ценим и которое так часто находится вне пределов нашей собственной заботы и помощи, – всё это предвещает более отдалённые замыслы Того, кто любит дыхание, которое нам подарил. – Религия! Пророчица неведомого Бога в природе и

²⁰⁵ Речь идет о ветхозаветном царе Агаге (1 Цар. 15). Пророк Самуил приказал царю Саулу полностью уничтожить амаликитян, злейших врагов Израиля. Саул пощадил Агага, но Самуил лично явился, чтобы исполнить Божий суд над пленным царём. Агаг пытался скрыть ужас перед неминуемой гибелью за маской напускной уверенности, легкомыслия и беспечности. Но обмануть пророка не удалось – Самуил тут же разрубил его на части (прим. пер.).

сокрытого Бога в благодати, которая чудесами и тайнами воспитывает наш разум для высшей мудрости, которая обетованиями возносит наш дух к великим надеждам и притязаниям! – Ты одна открываешь нам советы милосердия, ценность наших душ, основание, объём и длительность того блаженства, которое приветствует нас по ту сторону бытия. Когда ангел смерти будет ждать у могильного порога, чтобы обнажить меня, когда он, подобно сну утомлённого подёнщика, овладеет мной – после кошмара, в котором умирающий христианин видит проносимой мимо него ту чашу, которую Христос Примиристель выпил за него до самых дрожей божественного гнева: пусть тогда это последнее чувство Его искупления сопроводит меня при вступлении в Его царство! – И если Ты сделал эту жизнь полезной для моих друзей, то пусть и в моей кончине они обретут утешение и силу!

Уж мой любопытный взор томительно ищет пажити блаженства, принявшие мою мать; ещё слышу я в её вздохах (которыми она обращалась к *Господу* с мольбами увидеть вновь тех, кого Он дал ей на земле, кого она учила в младенчестве хвалить своего Творца и Посредника и для кого останутся незабвенными следы её шагов на пути к отечеству христианина) торжественнейшее и нежнейшее приглашение благодати к тому великолепию, одно представление о котором умеряет скорбь нашей утраты. Последним подношением её памяти да будут преклонение и обязанность моего сыновнего послушания Тому, чьей благодарностью и любовью она ещё оживляла свои истощённые силы! К подражанию им добавились пример и образец её последних мгновений как настоятельные побуждения!

Небольшой опыт по составлению указателя для единственной буквы Р

Павел (Paulus), апостол: его послания можно было бы прочитать с двойной пользой, если разбить их на параграфы и таблицы;

– тёмный писатель, которого доктор права в Падуге хотел выставить на панель из-за его пресловутой необразованности.

Пётр (Petrus), апостол, сравнивается с левитом, который вечно изумляется.

Филолог (Philolog) не стыдится своих предков;

– предпочитает своих сиделок Аристархам;

– совершил путешествие и наблюдал за латышскими крестьянами;

– желает себе лопату для веяния зерна;

– предостерегает одного маленького сладкоежку на Елисейских полях от *aliena cornua fronti addita* (чужих рогов, приставленных ко лбу) с помощью примеров и притч;

– сообщает тому же сладкоежке на Елисейских полях, от чего на самом деле умер Сократ, и что перевод Бенсона вышел с предисловием придворного проповедника;

– сравнивает себя с боевым жеребцом Александра Великого;

– сравнивает себя с голландским гербом;

- сравнивает себя с некой Марго-штопальщицей (Margot la Ravaudeuse);
- сравнивает себя с птицей;
- имеет дефектные книги в своей библиотеке;
- говорит в форме просопопеи с останками своей матери;
- говорит в форме просопопеи с архангелом;
- сравнивает рифму с глотанием;
- жалуется на сухой холостяцкий нрав рифмы, отпугнувший его Музу;
- возмущается эстетическимスピノзианством;
- возмущается экзегетическим материализмом;
- не должен быть привередливым в еде.

Филолог обладает своевольной памятью;

- в своей рапсодии не вспомнил вопрос Горация: *amphora coepit institui, currente rota cur urceus exit?* (Амфору начали делать, почему же на гончарном круге выходит кувшин?);
- возможно, подразумевает под Поллионом всякого беспристрастного корреспондента;
- не понимает ни по-арабски, ни по-древнееврейски;
- от скуки назидается, читая арабский словарь;
- слишком гордится правом первородства;
- нарочито пользуется макароническим стилем, хотя говорит о классическом совершенстве;
- растроганно прощается со своими читателями.

Филологи (Philologen) – это банкиры.

Философы (Philosophen) – дерзкие волокиты;

- устанавливают монашеские законы.

Фригийцы (Phrygier) мало ценят этимологические комплименты;

- то, что их язык самый древний, один монарх доказал весьма убедительно благодаря известному *locus communis: de pane lucrando* (общий язык – из хлеба насущного);
- их язык противопоставляется как земной языку богов.

Пророки (Propheten) – это Ирод и Каиафа.

Публика (Publicum) – это школьный учитель, которому угождают дети, умеющие хорошо отбарабанить свой урок наизусть;

- состоит из одного-единственного читателя, как и этот указатель – из одной – единственной буквы.

У **Пифийской прорицательницы** волосы встают дыбом.

Cetera desunt (Прочее отсутствует).